РОВЕСНИК

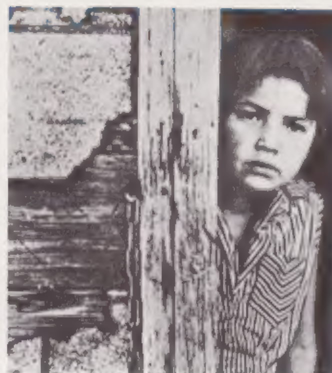
РОВЕСНИК

© «Ровесник», 1978 г.

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
ЦК ВЛКСМ И КОМИТЕТА МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СССР

ЖУРНАЛ ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА *Ноябрь, 1978 год, № 11*

ТРИБУНА МОЛОДЕЖНОГО ЛИДЕРА
Тему предлагает Джеймс Стил, национальный председатель СМРО (США): МОЛОДОЕ ПОКОЛЕНИЕ И ЕГО ГЕРОИ
В подборке также материалы американских авторов — о славе и вокруг славы

На первой странице обложки: двое из трехсот школьников, участников III международной олимпиады по русскому языку, проходившей этим летом в Москве. Об олимпиаде мы рассказываем в материале «Практикум по русскому».

Фото Г. МАЛАХОВА

Главный редактор **А. А. НОДИЯ**

Редакционная коллегия: В. Л. АРТЕМОВ, С. М. ГОЛЯКОВ, Н. В. ГОРЕЛОВ, О. А. ГОРЧАКОВ, В. А. ГУСЕЙНОВ, М. А. ДРОБЫШЕВ, В. М. МОШНЯГА, Д. М. ПРОШУНИНА (ответственный секретарь), Б. А. СЕНЬКИН

Художественный редактор О. С. Александрова
Оформление И. М. Неждановой
Технический редактор В. Н. Савельева

Адрес редакции: Москва, 125015, Новодмитровская ул., 5. Телефон 285-89-78. Рукописи не возвращаются.
Перепечатка материалов разрешается только со ссылкой на журнал.

Сдано в набор 20/IX 1978 г. Подп. к печ. 20/X 1978 г. А06224. Формат 60×90⅛. Печ. л. 3 (усл. 3). Уч.-изд. л. 5,7. Тираж 470 000 экз. Цена 25 коп. Заказ 1662.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Сущевская ул., 21.

ВСЕМИРНЫЙ МОЛОДЕЖНЫЙ ТЕЛЕГРАФ

СОФИЯ. Политический конкурс выпускников средних школ, который проводит Димитровский комсомол вместе с учеными Академии наук НРБ, стал в Болгарии традицией. В нем участвуют десятки тысяч тружеников города и села и старшеклассников. Конкурс проходит по этапам, отдельно для каждой категории молодежи. Победители городских и окружных соревнований собираются в Софию, куда они привозят свои рефераты по программе политической учебы молодежи и по важнейшим международным проблемам. В этом году пять победителей конкурса без экзаменов были приняты в выбранные ими вузы.

ГОЛЛИВУД. Молодые профсоюзные активисты во многих городах США протестуют против показа фильма «Синие воротнички». О чем этот фильм? Киноиндустрия Голливуда вдруг открыла для себя нового героя — американских рабочих, но изображены они как сила, враждебная прогрессу и порядку. «Рабочие в этом фильме — овцы. Я думаю, это самые несимпатичные люди, которые когда-либо попадали на экран. Они настолько неспособны обдумывать свои поступки и предвидеть их последствия, что начинаешь сочувствовать предпринимателям, которым приходится иметь с ними дело» — так презрительно говорит о героях своего фильма сценарист и режиссер Пол Шрейдер.

ХАНОЙ. В первой встрече молодежи города Хошимина приняли участие 600 делегатов учащейся и рабочей молодежи, передовики производства. Выступавшие говорили о задачах, которые стоят перед молодежью юга республики в социалистическом строительстве. Молодежь города Хошимина активно включилась в движение «Три примера», которое ставит целью сконцентрировать усилия на выполнении задач, поставленных на IV съезде Коммунистической партии Вьетнама.

ЛОНДОН. Кризис в жилищном строительстве привел к тому, что ежегодно в Великобритании несколько тысяч человек оказываются на улице. Газета «Морнинг стар» с тревогой отмечает, что их число постоянно растет. Сейчас оно достигло 12 тысяч 200 человек, тогда как в предыдущие годы не превышало 8 тысяч. Недавно в одном из районов Лондона, Блумсбери, государство отобрало для своих нужд и выселило на улицу целый квартал — 160 бездомных, поселившихся в пустовавших государственных домах, снова потеряли кров. Среди них многодетные семьи.

ГАВАНА. Многим учителям, которые в этом учебном году впервые пришли работать в средние школы острова Свободы, не больше 18 лет. Они недавно сами окончили школу и сразу после этого вступили в молодежную педагогическую бригаду имени Мануэля Доменеча, которая существует с 1972 года. Для членов этой бригады создано по всей стране 30 специальных филиалов в 8 педагогических институтах, где они и получают высшее образование в течение пяти лет. Однако, еще будучи студентами, будущие учителя начинают преподавать в школе.

БАГДАД. «Школы на колесах» для детей кочующих бедуинов появились в этом году в Ираке. Учебные помещения оборудованы в вагончиках, которые сопровождают бедуинов в их странствиях. В каждой такой школе дети бесплатно получают питание и медицинское обслуживание. По вечерам здесь чтению и письму учатся взрослые. Этот эксперимент — одна из многих мер, принимаемых иракским правительством для повышения уровня грамотности населения.

АФИНЫ. Более 800 тысяч юношей и девушек Греции приняли участие в IV фестивале Коммунистического союза молодежи Греции и газеты «Одигитрис», четыре дня продолжавшемся в Афинах. Участники фестиваля требовали коренных изменений в политике государства по отношению к молодежи, продемонстрировали решимость отстаивать свои права на труд и образование.

БОГОТА. Как сообщают местные газеты, фашистская диктатура в Чили переживает острый кризис, в стране растут новые молодые кадры борцов, крепнет революционное подполье. Молодежь и студенты Чили все активнее выражают возмущение кровавым режимом Пиночета. Сотни молодых людей приняли участие в демонстрации протеста против фашистского террора, состоявшейся недавно в центре Сантьяго. Они распространяли листовки, в которых осуждались репрессии властей против рабочих медных рудников Чукикаматы, участвовавших в голодной забастовке.

МАПУТО. Слово «впервые» сейчас наиболее емко характеризует культурную жизнь мозамбикской молодежи. В этом году впервые были проведены национальный фестиваль поэзии, национальный фестиваль народных песен разных районов республики, национальный фестиваль народного танца. Например, в фестивале танца 600 исполнителей со всех концов Мозамбика демонстрировали свое искусство, в Мапуто приехали победители сельских и районных конкурсов. Впервые был проведен и День ребенка. К этому дню было приурочено открытие в столице Дома детской книги. Все это свидетельствует о большой заботе партии ФРЕЛИМО о культурном развитии юного поколения.

ТОРУНЬ. В этом польском городе состоялась 10-я международная олимпиада по химии для учащихся старших классов общеобразовательных школ. Это соревнование, призванное выявить молодые таланты, было организовано при содействии ЮНЕСКО и собрало представителей из 12 европейских стран. По условиям олимпиады в команду каждой страны входило по четыре участника — победителя школьных олимпиад в своей стране.

БЕРЛИН. Международные строительные отряды, организуемые по инициативе Центрального Совета Союза свободной немецкой молодежи, завоевали в республике всеобщее признание. В этом году в международном студенческом лагере «Мерсебург» жили и работали 148 студентов ветеринарного и биологического факультетов Берлинского университета имени Гумбольдта, 45 студентов из университетов и вузов Москвы, Варшавы, Кошице. Три недели они были заняты на строительстве новой животноводческой фермы в Гроскайне и, кроме того, участвовали в сельскохозяйственных работах.

ВИСБАДЕН. Здесь пятеро молодых людей провели сидячую забастовку перед зданием земельного правительства в знак протеста против роста безработицы среди молодежи и сокращения числа рабочих мест на промышленных предприятиях ФРГ. Эта акция получила широкий отклик по всей стране. Уже на вторые сутки ступени здания, где молодые безработные проводили свою демонстрацию, были завалены телеграммами, в которых прогрессивные молодежные организации, профсоюзы, учащиеся школ выражали солидарность с бастующими. Забастовщики требовали обеспечить тысячу рабочих мест для квалифицированных работников на ведущих промышленных предприятиях земли Гессен и 4 тысячи мест для учеников до февраля 1979 года.

Н а с н и м к е: эти «цепи рабства» символизируют бесправие безработных в обществе, где для молодых нет места.

МОСКВА. Здесь завершилась IV Неделя дружбы советской и мексиканской молодежи. Мексиканская молодежная делегация побывала во многих городах Советского Союза, увидела, как живет, учится, работает советская молодежь, встретилась с передовиками комсомольских строек. Одновременно в Мексике проходила выставка «Советская молодежь: вчера и сегодня». IV Неделя дружбы явилась еще одним шагом на пути укрепления дружеских связей молодежи двух стран.

ТОРОНТО. Крупнейшие канадские профсоюзные и студенческие организации установили постоянные пикеты возле банков, субсидирующих режим Форстера в ЮАР. Это одно из мероприятий растущего в стране движения протеста против сотрудничества канадского капитала с ЮАР.

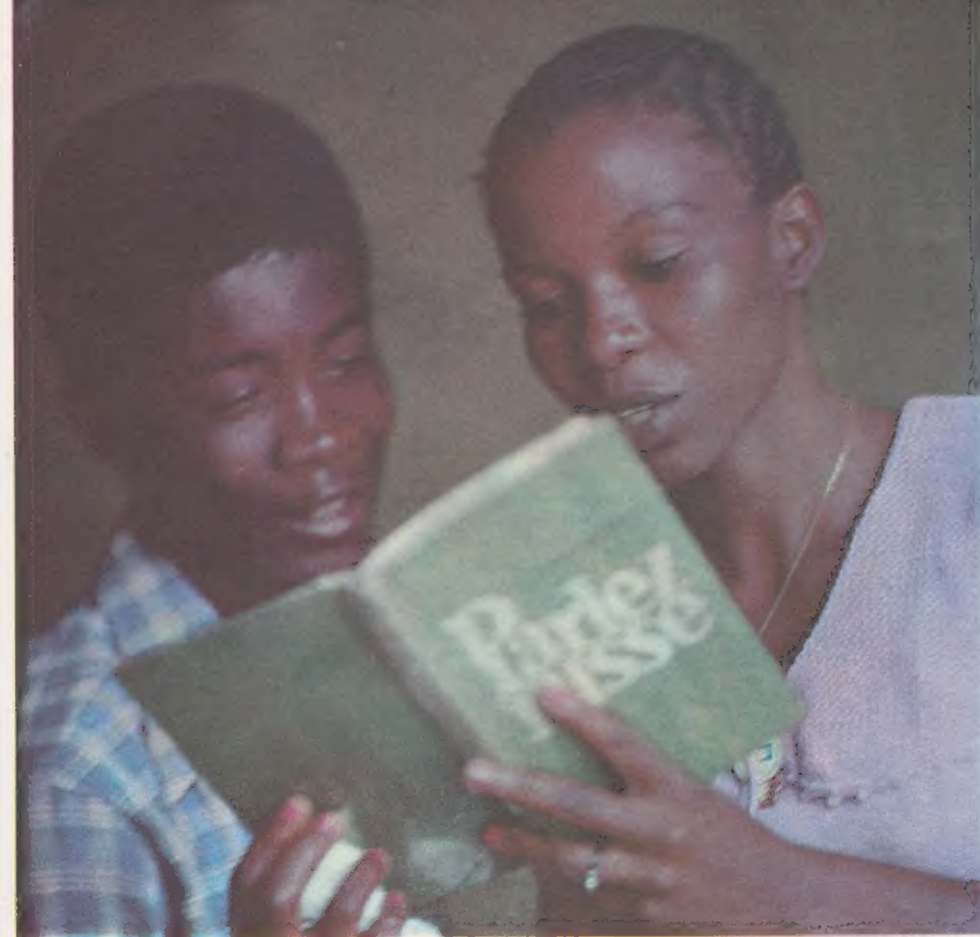
ПРЕТОРИЯ. Представитель оппозиции в парламенте ЮАР Хелен Сазман в связи с гибелью двадцатилетнего африканца Л. Табалаза в полицейском участке города Порт-Элизабет заявила: «За последние два года в полицейских участках погибло 22 африканца. В помещении полиции города Порт-Элизабет гибель Л. Табалаза — четвертый случай смерти среди заключенных. Год назад в этом же участке «допрашивали» Стива Бико, который затем был переведен в Преторию, где умер, как было установлено, от повреждения черепа. Это было результатом «допросов» в Порт-Элизабет». Хелен Сазман потребовала отставки министра полиции Дж. Крюгера и расследования обстоятельств смерти Л. Табалаза.

ПРАГА. О сельской организации Социалистического союза молодежи Чехословакии в поселке Дольний Йржетин рассказал чешский журнал «Млади свет». Здесь члены ССМ создали «Рефлектор молодых», который не только замечает все неполадки вокруг, но сам и исправляет их. Девушки и ребята из «Рефлектора» починили и покрасили к новому учебному году школьную мебель, привели в порядок местный парк, организовали в нем концерты самодеятельной капеллы «Калория», наделали забавных игрушек для детского сада. Покоя им не давал заброшенный огород, на котором лет семь, кроме травы, ничего не росло. «Земля уже вполне отдохнула, не пора ли ей поработать», — говорили члены «Рефлектора». Они вывезли с огорода мусор, сделали ограду от зайцев, устроили небольшой парник. Теперь молодежное огородное хозяйство снабжает овощами всю округу.

Н а с н и м к е: это наше дело — забота о разумном использовании сельскохозяйственных угодий, считают члены Социалистического союза молодежи в Дольнем Йржетине.

Экзамен

Смотрите!

Более трехсот школьников из разных стран мира приехали этим летом в Москву, чтобы принять участие в III международной олимпиаде по русскому языку. Конкурсные испытания, если говорить кратко, — основная цель их поездки. Но этим программа не только не исчерпывалась, а, наоборот, лишь начиналась. Начиналось знакомство с Москвой, Советским Союзом и его народом. Начиналась не менее важная для участников олимпиады программа, которую, как и нашу рубрику, можно было назвать «Смотрите!».

ПРАКТИКУМ ПО РУССКОМУ

— В мире насчитывается около трех тысяч языков. Один из них наш родной. И для нас он, конечно, самый лучший, потому что на свете нет ничего ближе человеку, чем его родной язык. Люди к языку относятся с любовью, оберегают его и даже ревнуют к другим языкам. И вместе с тем мы так устроены, что стремимся выучить непременно другие языки: человек рождается столько раз, сколько иностранных языков он знает, — так считает председатель постоянного оргкомитета по проведению международных олимпиад по русскому языку, председатель Международного жюри III олимпиады, кандидат педагогических наук Марк Николаевич Вятютнев.

— Языки как люди. За каждым стоит свой народ, своя культура, у каждого есть своя биография. Есть она и у русского языка. И чтобы понять, почему именно русский язык объединяет столь многие народы, почему так часто именно на нем звучат слова о мире, дружбе, прогрессе, гуманизме, почему он — один из основных языков, на которых излагаются важные документы эпохи, надо, естественно, его изучить.

Мое твердое убеждение — обучить языку нельзя. Язык можно только выучить. В изучении языка каждый человек уникален — это уже мои личные наблюдения как педагога, имеющего дело не только с советскими, но и зарубежными учащимися. Каждый сам ставит задачи и в присущей только ему манере — один с разбега, другой неторопливо — их осуществляет. Нет людей, которые не могут выучить язык. Но им нужно знать, ради чего они его учат.

Какие задачи встают перед молодым человеком, стремящимся научиться говорить, писать, понимать на другом языке? Прежде всего он должен овладеть им настолько, чтобы использовать как средство общения. Но для этого надо понять условия, при которых произносится та или иная фраза, задается тот или иной вопрос. Иными словами, ставится задача познать тот народ, страну, язык которой ты учишь. Ведь нельзя изучить язык, не зная культуры народа, его истории, реалий жизни! Вот лишь один пример: мы говорим — «работать по-стахановски». Попробуй пойми, что это значит, не зная истории нашей страны.

Итак, мы ведем речь о русском и о том, как его учат школьники мира. А их немало: из двадцати миллионов человек, изучающих русский язык за пределами СССР, более двух третей — учащиеся школ.

Любое обучение идет по определенным, выверенным практикой законам. Если в этом процессе обучения есть момент узнавания, то ему обязательно сопутствует радость. Когда ребята приехали в Москву, многое им уже было известно по учебникам, книгам, картинкам. И тем не менее путешествие по нашей столице стало для многих радостным открытием, которое каждый делает сам. Это во-первых.

Во-вторых, благодаря русскому языку человек может получить уникальные для себя сведения, ту дополнительную информацию, которую из других источников получить практически невозможно. Он может прочитать те книги, которые не переводились на его родной язык, услышать голос Льва Толстого и понять, о чем он говорит. Он сам, «из первых уст», может узнать у советских ребят, какие проблемы их волнуют, чему их учат в школе, о чем они думают. И знание русского языка дает возможность обрести новых друзей.

Мы ценим свой язык. Он аккумулятор, хранитель всего лучшего, что создано нашим народом в течение долгих веков своего развития. А каких вершин достиг наш язык за более чем 60 лет Советской власти. Узнать наш народ, познакомиться с ним, с его культурой, литературой, его научными достижениями — для приехавших школьников это было, пожалуй, самое важное. Это не проходит бесследно. И русский, может так случиться, станет для большинства наших гостей и средством познания жизни нашего народа, и средством повышения своей собственной культуры. Для некоторых он в будущем станет профессией. Мы помним и об этом.

Запомним слова председателя Международного жюри III олимпиады по русскому языку, состоявшейся летом в Москве. И посмотрим, чем же была олимпиада для ее участников?

Радость узнавания

Можно открыть новую планету, можно остров в океане или новый элемент... Двенадцатилетний Жоаким из Португалии открыл слово «КОСМОНАВТ». Там, у себя дома, в большом и красивом городе Лиссабоне, они с сестрой Мартой выучили много русских слов: «завод», «магазин», «собака». Писали в тетрадях: «спутник, космос, ракета». Но вот они поехали на Выставку достижений народного хозяйства СССР и в павильоне «Космос» встретились с настоящим космонавтом — Герой Советского Союза Василий Григорьевич Лазарев рассказывал ребятам о своем путешествии. Черноглазый Жоаким слушал внимательно. Его как маленького, еще не вырос, пропустили даже вперед. Но понял он, что же такое быть космонавтом, пожалуй, тогда, когда сам забрался в космический корабль. Его мальчишеское сердце забилось от радости, когда он увидел перед собой настоящий пульт управления и тюбики с едой, о которых только что говорил космонавт, и кресло, удобное и непривычное. Он реально ощутил это слово, он будто потрогал слово руками. Жоаким любит плотничать, и всякий раз, заканчивая работу, смастерив скамейку или полку, он непременно «проходится» по ним на ощупь, чтобы лишний раз удостовериться — да, этот предмет теперь существует.

Пол Наткин приехал из Соединенных Штатов. Вот он отстал от нас на бульваре и пристроился к молодому папе, который одной рукой толкает детскую коляску, другой держит раскрытую книгу. Полу интересно все: и что читают, и что молодые родители никак не могут решить, как назвать месячную дочку, все спорят, и что папа и мама вместе учатся в одном вузе, и что скоро, когда малышка чуть-чуть подрастет, она пойдет в ясли-сад. Тотчас он все это сообщает своим землякам. Мне же достается по-русски: «У вас все и везде читают И все учатся».

Одному понравилось русское мороженое, и он не пропускает ни одного лотка, другой увидел, что Москва утопает в зелени, и вспомнил свой любимый розовый куст под окном. Третий? Ему очень бы хотелось увидеть снег. Но это только первое впечатление, что участники олимпиады лишь скользят по поверхности увиденного. За этими внешними деталями, за **словами**, которые кто легко, а кто с трудом вспоминает, они видят д е л а и ж и з н ь Москвы.

— С самого детства в Советской стране чувствуешь себя нужным государству. У вас есть организация пионеров и комсомольцев, которые учат быть настоящими людьми. У вас для отдыха есть пионерские лагеря, а у нас, по-моему, никогда даже не думали об этом, — это вывод Алессандры Донелы Амами из Италии.

— Остановись на одном из холмов Москвы, очаровательной, величественной, прекрасной. О Москва! Сияет твой свет и разливается твоя красота вокруг, рассказывая о вековой твоей истории, о той крови, что лилась здесь во время войн, о тех руках, которые тебя строили. В твоем сердце лежит человек, человек для всех и во все века — Ленин! — Деб Датта Басу из Индии переводит мне стихи — он написал их здесь, в Москве. Деб Датта Басу 14 лет, учится в школе, которая носит поэтическое название «Долина весны». Это пока единственная в Индии школа, в которой преподают русский язык. — Мы много знали о Москве, о том, как живут советские люди, видели на картинках Кремль и Мавзолей. Но когда увидели своими глазами... Эти несколько дней, проведенных здесь, останутся в нашем сердце, и мы будем их всегда помнить. Разве можно это забыть? — Стихами выразить свое восхищение ему, оказывается, проще.

Открытый урок

Автобусы выгрузили нас у ворот подмосковного пионерского лагеря «Высота». Оркестр очень старался и так гремел на всю округу, что даже бесстрашные воробьи разлетелись. Особенно старался маленький барабанщик с чудовищно огромным барабаном. Гости, не ожидавшие такого приема, распались на группки и небольшими стайками проходили сквозь почетный караул пионеров в наглаженных до ломкости галстуках. Пожалуй, один Стивен Макуин (гордый шотландец, как его здесь все называют) ведет себя совершенно спокойно и вообще как дома. Расправил плечи и бодро шагает под марш.

— Да, действительно, я не первый раз в вашей стране, — ответил он на мой вопрос. — Несколько лет назад я отды-

хал в пионерском лагере «Алмазный» на Днепре.

Пять лет назад, после визита делегации тред-юнионов из его родного Эдинбурга в Киев, группу шотландских школьников пригласили провести каникулы в советском пионерском лагере. Одним из этих школьников был Стивен Макуин.

— Тогда я знал всего два глагола — «понимать» и «играть», потому я говорил: нет, я не понимаю, да, я играю, и шел на спортивную площадку. Сейчас, — он разводит руками, — даже подсчитать не могу, сколько слов знаю.

Мы идем подмосковным пионерским лагерем, а Стивен говорит о том, «своем», киевском. Странно ему было сначала: и на зарядку рано надо вставать, и дорожки у корпуса всем вместе подметать, и в столовой дежурить. Но потом это даже стало нравиться. И до сих пор он помнит, где стоял их корпус и что рядом с лагерем было озеро, в котором они любили купаться.

— А здесь есть озеро? — спрашивает он, и очень огорчается, что такого, «как у них в Киеве», нет.

Достаточно времени прошло с тех пор. Стивен заканчивает гимназию. Он уже пять лет изучает русский язык. И собирается, поступив в университет, обязательно изучать русский дальше. Он постоянно слушает Московское радио и читает советские журналы. Стивен активный член Общества дружбы Шотландия — СССР. У него дома хранится пластинка с автографом советского поэта Булата Окуджавы. У него весьма активный интерес к нашей стране. Мечтает, кроме РСФСР и Украины, увидеть другие республики, побывать и в Ташкенте, и во Владивостоке, и во многих других городах, о которых он уже довольно много прочитал.

— У вас в стране люди все делают сообща. И это здорово. Мне это понравилось еще в пионерском лагере, — сказал он мне на прощание и заспешил к своей группе, которая направлялась к сцене. Было объявлено выступление английской и американской делегаций. Шел концерт художественной самодеятельности...

Посчитаем...

До испытаний было еще два дня, но они постоянно давали о себе знать, не позволяя ребятам ни на минуту расслабиться. Похоже, они и сами этого не хотели. Гостиница «Орленок», где жили участники олимпиады, в эти дни была похожа на школу, в какой номер ни загляни — идет урок.

В номере английской делегации тесновато. Зашли две девушки из ФРГ, заглянули болгарка и московская школьница Таня; и незапланированный урок идет своим чередом. Руководителю группы Питеру Уолкли, учителю русского языка одной из гимназий на юго-востоке Англии, генеральному секретарю ассоциации преподавателей русского языка в Великобритании, не надо подыскивать темы бесед: ребята полны ими после нескольких дней в Москве; он лишь помогает найти наиболее точные слова и обороты.

— Мне понравилось ваше метро, — это говорит Бретт Харан. — Почему? У вас все станции похожи на подземные, — он на минуту задумывается в поисках нужного слова, — палаты... вот, дворцы! И стоит дешево. Всего пять копеек, а ездить можешь целый день! Мне нравится ваша литература, — Бретт сам меняет тему разговора, обращаясь к Тане и ко мне. — Я очень люблю Тургенева. «Рудин», «Отцы и дети». Люблю Пушкина. Пьесы Чехова читал. А вот советскую литературу знаю хуже... Кого у вас сейчас больше читают? Кто нравится молодежи? Хочу в университете, — Бретт собирается поступать в Оксфорд, — более серьезно заняться советской литературой.

— А я недавно прочитал на русском языке короткие рассказы Ильфа и Петрова, — вступает в разговор Николас Харрис. Он из Лондона. И тоже собирается после окончания гимназии учиться в Оксфордском университете...

Чтобы завоевать поездку в Москву, им много пришлось потрудиться и одержать победу сначала на региональных соревнованиях, потом на финале в Лондоне. Уже четвертый год у них в стране проводятся такие олимпиады, и с каждым годом растет их популярность. Вообще олимпиады по русскому языку стали традиционными во многих странах. В Австрии, Болгарии, Монголии прошли третьи общенациональные, в ГДР — четырнадцатая, в Польше — девятая, в Чехословакии — седьмая. Проводятся они и в Венгрии, Румынии, Югославии. География постоянно расширяется: в последнее время к «олимпийскому движению» присоединились Куба, Вьетнам, ФРГ, Финляндия, Бельгия, Дания, Италия, Нидерланды, республики Чад и Сенегал, Мали и Того. Посчитаем: две трети от двадцати миллионов обучающихся русскому — у нашей страны более тринадцати миллионов юных друзей.

— Я начал учить русский, когда мне было 14 лет, — сказал на прощание Бретт. — Почему выбрал этот язык? Советский Союз стал во всех отношениях очень важной державой, и поэтому уважающий себя человек не может не учить русского языка.

И все-таки...

Почему я учу русский?

— Мы приехали из тридцати пяти стран мира, и все говорим по-русски. Оказывается, достаточно изучить всего один язык, чтобы люди друг друга понимали! — сказала Анка Резман из Югославии.

— Это страна, которая первая в мире построила социализм. Я хочу все понять, и для меня русский язык необходим. Я хочу понять молодых строителей Магнитки, героев войны и тех, кто сегодня работает на ударных стройках, осваивает Сибирь и Дальний Восток, — это ответ Габриэль Ридлер из Австрии.

И еще одно мнение — Риты Энгельс из ФРГ:

— Чем лучше ты знаешь язык, тем больше у тебя возможностей понять людей чужой страны и быть самой понятой.

Если бы мы задались целью классифицировать мотивы, то получили бы весьма любопытную картину. Часто человек начинает учить русский, потому что это стало традицией в семье. Вот, например, Хема Кумара Амараратне из Шри Ланка. Его дядя — общественный деятель — в свое время учился в СССР. Хема решил продолжить семейную традицию и после окончания школы приехать в Москву. А пока ходит в Советский культурный центр в Коломбо. Причем учится здесь не только русскому языку, но и музыке. Его мечта — научиться играть на фортепьяно.

В русском языке многие видят для себя возможность узнать больше, лучше разобраться в своей будущей профессии, если она даже напрямую и не связана с лингвистикой и филологией.

— Мой отец врач, — сказал мне американский школьник, — он очень хочет, чтобы и я учился медицине. Поэтому он как-то позвал меня к себе и сказал: если хочешь стать толковым врачом, начинай заниматься русским.

Профессия. Марта Дель Монако из Милана об этом как-то поначалу и не думала. В школе она не очень-то жаловала новый предмет — русский. И когда к ее парте приближалась учительница, она низко опускала голову — чтобы не спросили.

Но вот однажды вечером, когда братья, сестра, родители смотрели телевизор на кухне, а Марта, уютно устроившись в кресле, начала читать «Крейцерову сонату» Льва Толстого, ее внимание задержала строка на суперобложке: «Перевод Марио Визетти». Еще не зная, зачем она это делает, Марта встала и пошла искать телефонный справочник. Наконец нашла, стала листать. Увидела нужный телефон. «Говорите громче», — сказал ей женский голос. Марта представилась: «Меня зовут Марта. Я изучаю русский язык. Мне бы хотелось познакомиться с вами. Я буду говорить по-русски, а вы сами решите, как я его знаю».

— Помню, мы тогда долго говорили, — вспоминает Марта. — Нет, не по-русски, конечно; слов явно не хватало. — Сейчас она только что выдержала испытания на одном из трех туров олимпиады, которые называются «Устная речь», «Страноведение» и «Чтение и беседа».

С того звонка и началась у нее дружба с 86-летней вдовой переводчика русской литературы, русской по происхождению. Она уверена, что именно это знакомство заставило ее изменить отношение к русскому языку. Более того, сама она тоже решила стать переводчиком литературы, правда технической.

— Вследствие высокого содержания парафинов и смолисто-асфальтовых веществ, — дефис ставится? — спрашивает Марта, читая мне наизусть целые куски технических текстов нараспев, как стихи, — мангышлакские нефти относятся к высокозастывающим.

У нее целая тетрадь таких текстов. И они ей очень нравятся.

— Я очень люблю русский язык, Москву, русский народ, — говорит Марта. — Люблю читать книги на русском языке. Когда к нам приезжают ваши артисты, обязательно иду на концерт, посещаю все выставки. И стараюсь говорить как можно больше по-русски. Я обязательно стану переводчиком технической литературы, — убежденно говорит она, — поэтому я и учу русский. Хотя у нас это очень дорого стоит. Плата за обучение в школе переводчиков высокая, — поясняет она мне.

В списке золотых медалистов олимпиады была и фамилия Марты из Милана.

...Утром они шли в школу: испытания продолжались. Собравшись стайками у дверей классов, они напутствовали входящих, болели за отвечающих. Вместе радовались удачам и переживали за тех, кому не повезло. Потом спешили досмотреть то, что еще не видели, побывать «там в Москве», без чего, по их мнению, и возвращаться стыдно. А вечером в гостинице продолжали обсуждение. Шла олимпиада.

Л. КОХАНОВА

Америка дала миру много славных имен, но в ней всегда было неизмеримо больше людей безымянных, готовых ради славы, известности на все. И самое главное в том, что то были не молодые честолюбцы, готовые ради великой или красивой идеи на подвиги и жертвы, а фанатичные преследователи реальных выгод, которые дает известность, больные энтузиасты вечной игры в победителя. Если справедливо, что США — это общество потребления, то справедливо и то, что в нем ради наживы торгуют и духовными ценностями. Но у торговли свои законы, и, руководствуясь ими, она сортирует товар на «ходовой» и «неходовой» и придает каждому из них «товарный вид».

Есть массовый идеал, или «имидж», то есть образ того, как должны жить вы, чтобы быть не хуже, чем они. Первая его стадия — известная формула «все как у Джонсов». Эта простенькая идея заставляет миллионы американцев изо всех сил тянуться к образу, знакомому по рекламам, кино, журналам, обзаводиться определенным жильем, машиной, обстановкой и образом ежедневной жизни. Ничего дурного в обстановке нет, дурное в том, что вместе с ней пропагандируется «имидж» обывателя. Его мышление, его взгляды на страну и мир, сама идея его существования как фигуры стопроцентного американца. Но разве такая фигура, такой «средний, пусть безвестный герой» не нужен обществу потребления, его политическим институтам?

Дабы и обыватель не стоял на месте и имел какую-нибудь лучезарную перспективу, ему подбрасывается «идеал», который не чета соседям Джонсам. С этой функцией многие годы справлялся Голливуд, свою лепту вкладывает ТВ, так называемая средняя литература, описания жизни, деяний и экстравагантностей разных звезд эстрады, кино и вообще света. Нужно ли говорить, как для того же общества потребления благотворна и грубо полезна идея бесконечного соревнования с голливудскими звездами по части роскошной жизни? И пусть результат очевиден, все люди при деле, это держит их в форме. В элегантной и пустой от реальных проблем форме киногероя.

Но не едиными вещами жив человек, и уж не все, по крайней мере, так живут. В Древней Греции идиотами называли людей, глухих к общественной и политической жизни. Но и для «неидиотов» буржуазная машина пропаганды отлила своих «героев». На любой вкус, но обязательно энергичные, улыбчивые, не ведающие сомнений, не хлюпики, избави бог. Тут и толковые менеджеры, и остроумные профессора, и находчивые комментаторы, и фонтанирующие диск-жокеи, и энергичные политики от спорта, культуры, обороны, профсоюзов и от самой политики. Не в профессии дело — тут выбирай на вкус. Дело в главном: они хороши в работе локтями, в установлении нужных связей, в самоподаче. И все как один, и каждый из них не позволит разным нытикам, маловерам, сомневающимся, коммунистам и прочим посягать на знаменитый «американский образ жизни». Ну не полезны ли эти «люди успеха» обществу потребления, и не они ли — своими привычками, своим примером — помогают одним успешно продавать, другим — с удовлетворением потреблять?

Герои, звезды, знаменитости — все толпятся, шумят, самоутверждаются. Все выбившиеся в известные — автоматически достойные; всех славою равняет газетный аншлаг и интервью перед телекамерой. В милых и наивных романах прошлого века лишь гнев и омерзение вызывали гадкие рожи алчных заимодавцев, выгоняющих семью на холодную улицу, или нечистых на руку похитителей «лунных камней». Их наследники в благородстве и гордости своей гнали от себя даже воспоминания о них. «Скелетом в шкафу», то есть страшной семейной тайной, становились такие деятели. Теперь буржуазная мораль, не стоящая на месте, делает их героями и кумирами. На крайний случай, весьма достойными людьми. Теперь ведь им не приходится самим вытряхивать чужие кошельки и врать с глазу на глаз, поскольку «лунные камни» (да что там, можно и камни с Луны) преподносят в обмен на слово «авторитетной» поддержки, а врать «по телевизору» — совсем не проблема.

Где те «герои» «Уотергейта», что попали за решетку? Ходят в героях, читают лекции и пишут книги о том, как они попали за решетку. Делают деньги. Где убийца 504 безоружных вьетнамцев лейтенант Уильям Келли? Ходит в героях, вернее, в уважаемых гражданах города Колумбуса, процветает, делая деньги как страховой агент, а по вечерам, сидя на высоком стуле на кухне (лучшая модель этого сезона), собственноручно создает немыслимые блюда для званого ужина, где будет «весь город». Отчего Пентагон пошел на скандальное освобождение этого знаменитого убийцы? Отчего употребил все влияние для его освобождения под смехотворный залог в 1000 (одну тысячу!) долларов? Да разве он не нужен, такой герой, сегодня? Такой не подведет; такие этому обществу всегда нужны...

Конечно, суета вокруг славы, кутерьма из-за известности, мельтешение из-за боязни осрамиться перед «Джонсами» — все это ярмарка тщеславия. Но все, что творится на ней, полно смысла: там любой шут, любой паяц, любой зазывала, а тем более распорядитель — всяк знает свою роль и место.

ГЕРОИ НЕ НА ЧАС

Джеймс СТИЛ, национальный председатель Союза молодых рабочих за освобождение (США) — специально для «Ровесника»

Тема об идеалах, предлагаемых американским обществом молодежи, мне кажется важной и своевременной. Проблема молодежного героя не повод для отвлеченных рассуждений, а самый что ни на есть животрепещущий вопрос дня. Постараюсь объяснить, почему это так.

Каждый класс создает свой идеал. Поэтому ясно, что общество, состоящее из антагонистических классов, не может иметь единого идеала. Другое дело, что те, кто находится у власти, стремятся навязать свои установки, свои жизненные и идейные принципы всему обществу.

С раннего детства мы много слышим о некой «Американской мечте» — о тех благах и возможностях, которые наше общество якобы стремится предоставить каждому человеку. Но, подрастая и открывая для себя мир таким, как он есть, мы утрачиваем иллюзии и обнаруживаем, что «Американская мечта» — миф, сказка. «Вы будущие лидеры Америки!» — обещали нам. И обещание сбылось — увы, в несколько ироничном смысле. Мы действительно стали лидерами... безработной Америки.

В молодом возрасте так естественно искать героев для подражания. Но наши школьные хрестоматии в таком поиске плохие помощники. Зато примеров, способных совратить молодого человека с правильного пути, сколько угодно в окружающей его действительности — от деятелей Белого дома и конгресса, воротил корпораций и профсоюзных боссов типа Джорджа Мини до ультралевых фанатиков в университетских кампусах и кабинетных псевдореволюционеров, барышников от политики и просто шарлатанов.

Монополистический капитализм готов пойти на что угодно, только бы увести молодежь от борьбы, деморализовать ее и нейтрализовать. Верная своей классовой сущности, эта система предлагает и соответствующий образ «идеального американца». В основе этого «идеала» лежат грубый индивидуализм, агрессивность и

В этом номере статьей национального председателя Союза молодых рабочих за освобождение (США) Джеймса Стила «Ровесник» открывает новую рубрику — «Трибуна молодежного лидера». Редакция предполагает, что в ней будут выступать молодежные лидеры различных стран и разных политических организаций. Тема выступлений — на выбор автора. Для полного и многостороннего раскрытия поднятого вопроса «Ровесник» со своей стороны предполагает сопровождать эти выступления другими материалами.

Тема, которую выбрал Джеймс Стил, всегда актуальна, а при острой идеологической борьбе, которая ведется сегодня в мире, необычайно важна. Речь идет об отношении молодого поколения к идеалам, о выборе героя, о понимании славы.

властность бизнесмена, готового утопить своего конкурента, добыть барыш любыми правдами и неправдами.

Мне, кстати, представляется, что «идеал», пропагандируемый в нашем обществе буржуазными средствами массовой информации, претерпел в последние годы изменение. Причиной послужило падение доверия молодежи к системе. Лидеры страны уже не годятся как образцы для подражания после таких разоблачений, как «уотергейтское дело»[1]. Один за другим руководители страны предстают перед молодежью виновными в коррупции, во лжи, в развязывании войны, в поддержке расизма и режима апартеида, в приеме взяток от большого бизнеса — не тысяч долларов, а невообразимо крупных сумм. Буржуазная пропаганда старается сейчас отвлечь внимание молодежи от одиозных политических фигур, которые она сама же раньше возводила в кумиры. Специально для молодежи культивируют героев в голливудском стиле, то есть традиционно грубоватых, прямолинейных, скорых на руку. Но именно этот экранный американец вершил геноцид в отношении индейцев.

Задача марксистской философии у нас в стране — бросать вызов этим «идеалам», развенчивать «имиджи», то есть образцы для подражания, созданные правящим классом для молодежи.

Что же противопоставляют коммунисты, члены СМРО идеалам, проповедуемым буржуазной «масс-медиа»? Ведь недостаточно выступить **против** чего-то, надо еще выступать **за** что-то. Мы не можем надеяться, что люди нам поверят, пойдут за нами, примут нашу точку зрения только потому, что мы отвергаем ценности, навязываемые монополистической идеологией. Мы должны предложить свою альтернативу, за которую стоит бороться, свой идеал американца. Этот вопрос обсуждался на IV съезде нашей организации в октябре прошлого года. Мы выразили озабоченность по поводу морального климата, в котором живет молодежь США, и условий, влияющих на формирование личности. Мы говорили о том, каким должен быть член СМРО. Прежде всего он должен быть борцом — против эксплуатации, против расизма, империализма, войны. Он должен участвовать в делах своего квартала, профсоюза, общественной организации. Другими словами, мы выступаем за такой стиль жизни, который делает молодежь активной и деятельной, укрепляет ее идеологическую убежденность, вырабатывает у нее иммунитет против глубоко упадочнического культурного и морального климата, характерного для общественной жизни США.

Хотя условия в наших странах и возможности для развития личности очень разные, цели у СМРО и советского комсомола в принципе одни. И вы, и мы

---

[1] *Скандал, связанный с политическим шпионажем и приведший к уходу Р. Никсона с поста президента США (Примеч. ред.)*

стремимся воспитать молодых коммунистов. Вам нет нужды делать упор на борьбе против эксплуатации — у вас вообще нет эксплуататорских классов. Вы воспитываете в молодых людях патриотизм, желание работать лучше, упорнее, так как это труд ради всего народа. Мы же имеем дело с молодой личностью, живущей в условиях острых классовых столкновений. Ей противостоит мощный, изощренный правящий класс, не имеющий себе равных по части психологической обработки молодых душ. Ей противостоит и «класс» соглашателей, «наркоманов» журналистских и телесказок о всеобщем преуспеянии, о вседоступности успеха. Поэтому мы выдвигаем на первый план воспитание в молодом человеке качеств борца, непримиримости к эксплуатации, расизму, социальному и политическому неравенству.

С молодежью трудно говорить на языке абстракций. Ей нужны пример, герои, люди, которым хочется подражать. Естественно, что мы, молодые коммунисты, хотели бы быть такими, как Ленин. Мы восхищаемся его блестящим интеллектом, неимоверной работоспособностью, организаторским талантом, революционной стойкостью. Но ведь это — Ленин! Повторить его качества — задача очень, очень сложная. Однако дело даже не в этом, а в том, что лично мой, коммунистический идеал невозможно предложить сейчас американской молодежи в целом. Нам, молодым коммунистам США, надо искать образ, притягательный для широких слоев молодежи, внутри нашей страны. Что касается членов СМРО, то они, естественно, равняются на руководителей Коммунистической партии США. Председатель Компартии США Генри Уинстон и ее Генеральный секретарь Гэс Холл пользуются огромным авторитетом у молодых коммунистов. Могу сказать, что они оказали решающее влияние и на меня лично. Г. Уинстон и Г. Холл прошли через все испытания, которым капитализм подвергает коммуниста. Хорошо, когда молодой человек может, глядя на людей старшего поколения, сказать самому себе: «Они выдержали. Они доказали, что можно преодолеть все трудности! Значит, и я имею шансы преодолеть».

Есть и другие люди, чье влияние я испытал, — прежде всего Поль Робсон и Мартин Лютер Кинг. Они стали для меня образцами, героями еще до того, как я вступил в партию коммунистов. Потому-то я рад, что мы, СМРО, начали сейчас кампанию по освещению жизни и дел Поля Робсона. Лишь сегодня миллионы молодых американцев открывают для себя эту могучую, вдохновенную фигуру — и в этом нет ничего случайного, если учесть, что хозяева пропагандистской машины США всегда стремились скрыть от молодого поколения правду о демократическом и революционном наследии; они справедливо опасались, как бы подлинные герои прошлого не стали кумирами сегодняшнего дня. Между тем трудно назвать другого такого американца, чья жизнь могла бы вдохновить столь многих молодых людей.

Лозунг нашей кампании: «Жить, как Поль Робсон!» Мы не пытаемся сделать из Робсона фигуры более великой, чем он был на самом деле, но и не хотим, чтобы его заслуги принижались. Молодых людей, которые захотят быть похожими на Робсона, его пример вдохновит ни много ни мало на участие в рабочем движении, на борьбу за равноправие черного населения и других угнетенных национальных меньшинств США, за мир и разрядку, за дружбу с СССР и другими социалистическими странами, за солидарность с народами, борющимися за свою национальную независимость, за антифашистскую солидарность — за все, что составляло суть жизни Робсона.

Многие из вас, возможно, слышали песни в исполнении Поля Робсона. В одной из них, очень популярной, есть слова: «Let me show you the way to go» — «Дайте, я покажу вам дорогу». Эти слова сейчас обретают новый смысл для миллионов молодых американцев. Вся жизнь Поля Робсона вдохновляет их на обретение верности своим убеждениям. Ведь Робсон мог с полным основанием отнести к себе строки из другой известной песни: «Just like the tree standing by the water, I shall not be moved» — «Как дерево, растущее у воды, меня не сдвинуть с места».

Сын бывшего раба, Поль Робсон покорил вершины успеха как певец и актер театра и кино. Однако судьба Робсона находится в резком контрасте с карьерами «либералов» с Мэдисон-авеню[1] и голливудских «светил». Никогда в своей жизни — ни в зрелом, ни в юношеском возрасте — Поль Робсон не попадал в ловушки, которые подстраивал ему «большой бизнес», пытавшийся за большие деньги, славу, успех склонить его к приспособленчеству и сотрудничеству с миром монополий. Чтобы по достоинству оценить этот факт, давайте воскресим отдельные, самые важные моменты в биографии Робсона. В конце концов, биография — немалозначащая составная «образа героя». В числе нескольких стандартов, разработанных средствами массовой информации, вполне приветствуется и так называемое трудное детство.

Поль Робсон родился 8 апреля 1898 года — в то время, когда Соединенные Штаты захватили Кубу, Пуэрто-Рико и Филиппины и стали мировой империалистической державой. Полю пришлось уже мальчиком наняться на работу, чтобы помогать семье. Он был вынужден работать и после того, как в 1915 году стал стипендиатом Рутгерского университета и футбольной звездой в национальном масштабе — в те времена стипендия для негритянского юноши, как и сегодня, была больше символом допуска в университет, чем реальным денежным подспорьем.

По канонизированной схеме биографии героя дальше все должны были решить его честолюбие, напористость, способности и счастливый случай. Но не эти качества и не эти обстоятельства определили биографию Робсона.

Молодой Поль был на полпути своей университетской жизни, когда в России произошла Великая Октябрьская социалистическая революция, открывшая перед человечеством новые горизонты и положившая начало непрерывному материальному и культурному прогрессу трудящихся и полному национальному, расовому и социальному освобождению бывших угнетенных и эксплуатируемых народов и народностей.

Пройдут многие годы, прежде чем Робсон сможет посетить страну Ленина и напишет: «Я впервые почувствовал себя полноценным человеком — никаких предрассудков из-за цвета кожи, как, скажем, в Миссисипи или Вашингтоне». Тот визит в 1934 году положил начало взаимной привязанности между Робсоном и советским народом. Кстати, в знак своей любви и уважения к Робсону советские люди назвали его именем горную вершину[1]. Уже в те годы он стал героем. Но не в своей стране.

Робсон четко осознавал, какое значение для освободительной борьбы американских негров имеет сам факт, что к власти в такой стране, как Россия, пришел рабочий класс. Он говорил в 1950 году:

«Некоторые честные и искренние люди допытываются у меня: «Да, Поль, мы согласны с тобой во всем, что ты говоришь насчет Джима Кроу[2] и преследований негров. Согласны на все сто процентов. Но что для нас, негров, сделала Россия?..» — «Само существование Советского Союза, — отвечаю я, — показанный им всему миру пример запрещения дискриминации по цвету кожи или национальному признаку, его борьба за истинную демократию и мир — все это дало нам, неграм, шанс добиться нашего полного освобождения уже сейчас, при жизни нашего поколения».

Он продолжал:

«В самом деле, как бы сейчас обстояло дело с борьбой негритянского народа за свободу, если бы мировой империализм не был смертельно ранен и ослаблен... если бы в мире не установился новый баланс сил?.. Каждой негритянской матери, у которой есть сыновья, каждой негритянской девушке, собирающейся замуж, каждому негритянскому юноше, который с уверенностью вступает на порог борьбы, я говорю: «Где были бы твои сыновья, где был бы твой любимый, где был бы ты, если бы не Сталинград?»

Октябрь вызвал резонанс и в рабочем, и в негритянском движении в США. В том году, когда Робсон закончил университет, в 1919-м, была основана Коммунистическая партия США. Одновременно все громче звучал голос Уильяма Дюбуа[3], призывавшего негров к бескомпромиссной борьбе.

Уже в свои студенческие годы Поль Робсон сумел выразить этот новый подъем боевого духа. В то самое время, когда вульгарнейшие расистские сентенции возводились в ранг социальных наук, а белый шовинизм именовался «филантропией», Поль смело принял вызов: «примерив» к себе все расхожие расистские концепции и характеристики, призванные удерживать негров в повиновении, он обратил их в оружие своей борьбы.

В те дни говорили: всё, на что способны негры, — это неплохо петь. Робсон ответил тем, что стал одним из лучших

---

[1] *Одна из центральных улиц Нью-Йорка, где расположены крупнейшие рекламные агентства, которые дают «старт» каждой новой звезде. (Примеч. ред.)*

[1] *Именем П. Робсона названа высота в 4200 метров в Киргизском Алатау Тянь-Шаня. На вершине установлен бюст Робсона работы скульптора О. М. Мануйловой. (Примеч. ред.)*

[2] *Джим Кроу — оскорбительная кличка американских негров; обозначает также расовую сегрегацию. Происходит — по одной версии — от песни, распространенной в прошлом веке, по другой — от имени реально жившего когда-то на Юге США рабовладельца. (Примеч. ред.)*

[3] *Уильям Дюбуа (1868—1963) — американский историк, социолог, писатель. Свою научную, литературную и педагогическую деятельность он неразрывно связывал с практической борьбой за мир и дружбу между народами, с борьбой за уничтожение колониализма. Лауреат Международной премии мира и международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами». (Примеч. ред.)*

в мире певцов. Но не расисты, а он сам решал, что ему петь и для кого.

Тогда говорили: черные — хорошие атлеты, но не более того. Поль Робсон ответил тем, что дважды добился звания лучшего крайнего американского футбола и тринадцать раз удостоился высших наград в четырех видах спорта. Но он не воспользовался своей спортивной одаренностью для того, чтобы запродаться спортивному бизнесу, стать алчным накопителем или подыгрывать не без выгоды для себя реакционным политикам. Робсон отказался принимать пасы от империализма, если пользоваться футбольной терминологией; он предпочел стать защитником в «игре» народа.

В те дни также говорилось: только один из миллиона черных способен к рациональному мышлению, и те, кто на это способен, должны «подать пример своей расе», сотрудничая с монополиями, чтобы «постепенно улучшить» участь негров. Робсон ответил на это так. На предпоследнем курсе был принят в «Фи Бета Каппа» [1]. Побеждал на университетских состязаниях полемистов. Изучил 26 языков («Я хочу говорить со всеми народами»). Окончил Колумбийскую юридическую школу, стал адвокатом. Но мировоззрение себе Поль Робсон выбирал сам — независимо и вопреки правящему классу.

Тогда говорили: черные, конечно, могут петь, но они неспособны к «тонкому искусству». Опровергая это мнение, Робсон вошел в историю [2]. Он первым дал концерт, целиком составленный из spirituals — негритянских духовных гимнов. Он доказал, что негры способны покорить оперную сцену и блистать в шекспировских трагедиях. Он стал кинозвездой, но покинул Голливуд и Соединенные Штаты, когда не нашел ролей, достойных судьбы борющихся за освобождение негров и других эксплуатируемых. Никакой великосветской и голливудской мишуры; это дело не для Робсона!

В 1936 году председатель национального комитета республиканской партии Джон Гамильтон предложил Робсону чек с непроставленной суммой и возможность участвовать в каких угодно фильмах, если тот вернется в США и включится в кампанию против Рузвельта. Робсон с презрением отверг взятку. Никакие доллары не могли заменить ему честь и принципы. «Ни обещание выгоды, ни угроза проигрыша ни разу не поколебали меня в моих убеждениях... Я руководствуюсь только собственной совестью, и никому не удастся таскать меня на золотой цепи».

В дни молодости Робсона говорили, как и сейчас говорят нам: черный есть черный, белый есть белый, и им никогда не сойтись вместе. Робсон отвергал этот тезис, кем бы он ни выдвигался — белыми расистами или черными сепаратистами. Он всю жизнь выступал за классовое единство черных и белых трудящихся.

---

[1] *Phi Beta Kappa — первые буквы греческих слов «philosophia biou kybernetes» — философия — путеводитель жизни. Основанное в 1776 году привилегированное общество студентов и выпускников, отличающихся большими познаниями. (Примеч. ред.)*

[2] *Недавно принято решение врезать в тротуар «Променада славы» в Голливуде звезду из бронзы с именем Робсона. Этой почести удостаиваются самые знаменитые актеры кино и театра Америки. (Примеч. ред.)*

Для молодых американцев важно понять, что Робсон не относился к своим степеням и наградам как к источникам личной выгоды. Он отвергал индивидуализм и элитаризм. Это довольно странная позиция для «звезды». Странная — это мягко сказано: ведь по всем правилам игры, придуманной для будущих звезд буржуазной пропагандой и массовой рекламой, люди для того и гоняются за славой, чтобы, ухватив ее за хвост, богатеть, наслаждаться покупными радостями, повелевать и поучать.

Биография же Робсона — это хроника солидарности и участия в великих битвах за классовые интересы рабочих, за равенство, демократию и права человека в США, за мир на земле, национальную независимость и прогресс.

Он был впереди, где бы ни велась справедливая борьба — против практики линчевания в США, за осуждение США перед лицом ООН в проведении геноцида, в рядах пикетчиков «стального пояса» Севера и среди бастовавших рабочих хлопковых и табачных плантаций Юга, против фашизма в Испании, за создание антигитлеровской коалиции и за укрепление дружбы и сотрудничества между США и СССР, против «холодной войны». В 1947 году он был в Париже, помогая организовать Всемирное движение сторонников мира. Он был одним из инициаторов Стокгольмского воззвания, направленного на предотвращение ядерной войны. Робсон поддерживал антиколониальную борьбу африканских народов. Одним из первых он выступил против интервенции США во Вьетнаме.

Тем, кто хотел отсидеться в стороне от борьбы, Робсон говорил: «Каждый художник, каждый ученый должен решить сейчас, где его место. Альтернативы нет. Никакие олимпийские высоты не спрячут от конфликта. Бесстрастных наблюдателей быть не может. Это вызов для любого художника, ученого, писателя, если где-то уничтожаются величайшие литературные наследия, распространяются лживые идеи расового и национального превосходства... Фронт проходит всюду. Тыла нет. Художник должен выбрать, за что ему бороться — за свободу или рабство. Я сделал свой выбор...».

Робсон остался верным своим принципам и тогда, когда в США поднял голову маккартизм. Многие артисты и писатели тогда спасовали и удобно устроились в вагоне антикоммунизма. Коммунистов и просто людей прогрессивных убеждений преследовали, увольняли с работы, сажали в тюрьмы или высылали из страны. Их лишали всего и не предлагали ничего. Полю Робсону не давали выступать, перед ним закрылись двери практически всех концертных залов. В 1949 году он, как артист, заработал сто тысяч долларов. В 1952 году, когда перед ним закрывались все залы, его доход стал равен шести тысячам. Но Поль стоял на своем. Он говорил тогда: «Я буду защищать их [коммунистов], как они защищали нас, негров... Их борьба — это наша борьба».

Его спросили в Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности: «Если вам так нравится Россия, отчего бы вам туда не перебраться?» Он ответил: «Оттого, что мой отец был здесь рабом, оттого, что мой народ здесь умирал, чтобы выстроить эту страну, оттого, что я хочу остаться здесь и быть ее частью, как, впрочем, и вы — никак не меньше. И никакие фашиствующие люди — вроде вас — меня отсюда не изгонят. Неужто не ясно?!»

Генеральный секретарь Компартии США Гэс Холл сказал однажды об этом замечательном человеке: «Поль Робсон потому мог сочетать высшие достижения в спорте и искусстве с высшей политической ответственностью, что всю его сознательную жизнь его классом был рабочий класс, а его идеологией — марксизм-ленинизм».

Сам Поль Робсон рассказывал о себе в 1952 году так:

«Я участвовал во многих классовых боях. Некоторым кажется странным, что, достигнув некоторого признания как артист, я посвящаю столько времени и энергии проблемам и борьбе трудящихся мужчин и женщин. Для меня лично в этом нет ничего странного. Я просто старался не забывать о земле, которая дала мне жизнь. Никогда не забывать о богатой, но истерзанной земле Северной Каролины, где мой отец (отец, не дед!) был рабом и где многие мои родные до сих пор живут в нищете и как граждане второго сорта... Нет, я никогда не забуду более чем 300-летнее рабство и полусвободу, долгие, изнурительные и горькие годы деградации, павшие на плечи наших матерей и сестер, унижение и дискриминацию целого народа. Я никогда не забуду, что конечное освобождение и быстрый прогресс моего народа покоятся на крепких спинах и несгибаемом духе углекопов и плотников, железнодорожников и клерков, строителей и испольщиков, металлургов и автомобилестроителей, поваров и официантов, докеров и фермеров — огромной массы американских негров, которые дают начало всем талантам и достижениям... Как я рад, что никогда не покидал их! Да, лица и тактика политических лидеров могут меняться каждые четыре, или два года, или ежегодно, но народ остается всегда самим собой. Народ — побитый сегодня, но воспрянувший завтра; теряющий дорогу сейчас, но отыскивающий ее в следующую минуту; не спускающий глаз с путеводной звезды истинного братства, равенства и достоинства, — народ, вот кто настоящий хранитель наших надежд и чаяний».

Иными словами, Робсон знал свои корни. Их надлежит знать и нам. Он уходил своими корнями в борьбу трудящихся и угнетенных. Это пример для нас. И это тот пример для подражания, который мы с гордостью предлагаем молодым американцам.

Мы, молодые коммунисты, развернув кампанию «Жить, как Поль Робсон!», можем с удовлетворением сказать, что этот замечательный американец был тесно связан именно с компартией и часто подчеркивал, что его идеология — марксизм-ленинизм. Еще рано подводить какие бы то ни было итоги, но чувствуется, что наша кампания уже дает интересные и важные результаты. Она помогает молодежи преодолевать воздвигнутые буржуазной пропагандой идеологические барьеры. В рамках этой кампании СМРО уже осуществляет многочисленные акции совместно с другими молодежными организациями. Так Поль Робсон, хотя его нет больше среди нас, продолжает служить делу рабочего класса, делу борьбы за освобождение всех угнетенных и эксплуатируемых.

Он здорово помогает и нам, молодым коммунистам. Когда нас спрашивают: «Мы, в общем, представляем, чего вы добиваетесь. Но каков же должен быть американец, чтобы быть на уровне такой мечты?» — мы отвечаем: «Таким, как Поль Робсон».

ЗАМЕТКИ О СЛАВЕ

Джон ЛАР,
американский литератор

Балтимора: Вооруженный мужчина захватил жену, семерых детей и одиннадцать посторонних человек в качестве заложников... Его единственным требованием был созыв пресс-конференции. — Из сообщения Ассошиэйтед Пресс.

Помешательство на славе не только превратило Америку в гигантский зал с прекрасной акустикой, но и порядком вскружило ей голову. «Увы, в сегодняшней Америке, — заметил Майкл Беннет, популярный ныне режиссер мюзикла «Хористы», — либо ты звезда, либо никто».

Когда-то понятие славы означало, что путь к известности лежит через деяния. Но представления о славе меняются: показуха становится самоцелью. Чтобы прославиться, не обязательно знать свое дело, главное — оказаться на нужном месте. Политики становятся обозревателями, обозреватели — киноактерами, киноактеры — политиками. Даже серьезную ситуацию знаменитость превращает в представление.

Кто у всех на виду, тот и популярен. Современные политики поняли это и стали брать уроки актерского мастерства. Что не сделаешь для телекамеры! И вот Глория Стейнем отбивает чечетку, сенатор Джулиан Бонд от штата Джорджия разыгрывает из себя первого черного президента, бывший губернатор Лестер Мэддокс показывает забавную сценку в паре с человеком, которого он упрятал за решетку. Гор Видал принимает участие в телесериале «Мери Хартман, Мери Хартман», а президент устраивает показательную кинодемонстрацию своего рабочего дня. Нынешняя знаменитость не просто на виду, она способна быть одновременно везде: техника всегда к услугам непоседливого американца.

Привлечь внимание — вот что становится нашим национальным стилем, при котором жест вполне заменяет решение и дело. С тех пор как в конце шестидесятых средства массовой информации капитулировали перед неподражаемым видом хиппи и йиппи (Джерри Рубину[1] была присвоена «Награда Академии для деятелей движения протеста»), ни одна форма политической активности не обходится без пестрой театральщины. «Слава извращает естественную потребность в самоутверждении и чужом внимании, — сказал драматург Хискот Уильямс, рассуждая о душевном оскудении, сопутствующем росту популярности. — По имеющимся данным, одна тысячная процента населения страны благополучно снимает сливки, тогда как остальных словно не существует». И вот уже Стэнли Сигель, владелец радиостанции «А. М. Нью-Йорк», в беседе с собственным психиатром, транслировавшейся для миллионов радиослушателей, по-детски трогательно делится своими заботами: «Вот если б все вы каждый день хоть на минуту задумывались о моих заботах!» Сигель знаменит по понятной причине: у него в распоряжении средства информации; те, кто лишен такой возможности, вынуждены добиваться, чтобы их заметили, самыми невероятными путями. Артур Бремер, чье имя попало петитом в историю Америки после того, как

[1] *В прошлом один из лидеров «новых левых», член «Чикагской семерки», арестованной властями. (Примеч. ред.)*

он изувечил Джорджа Уоллеса[1], пишет в опубликованном дневнике, что поначалу он «подумывал остаться в людской памяти человеком, убившим Ричарда Никсона».

Общество перестает видеть разницу между целью и средствами, замечая, что убийцы ничуть не менее популярны королей и что печально известным преступникам жалуют умопомрачительные мантии славы. Слава узаконивает алчность, придавая ей блеск. Но, как и алчность, слава ненасытна. На уотергейтском скандале был сделан бизнес, принесший не один миллион долларов прибыли; благодаря романам, автобиографиям, фильмам и публичным лекциям преступников беззаконие, в сущности, обернулось легендой. Убийца Гэри Гилмор продал киношникам право заснять свою смертную казнь, и продюсер был одним из четырех самых близких друзей, допущенных к нему в его последние минуты. Имя Гилмора, как имя всякой звезды, стало коммерческим; на футболках появились слова, сказанные им перед смертью: «Давайте кончать с этим», ему был посвящен панк-роковый альбом.

В книге «Демократия в Америке» Токвилл обратил внимание читателей на «мстительный характер американцев». И звезды и убийцы придумывают себе имена, словно сводя с кем-то счеты. Дэвид Берковиц, убийца с обрезом 44-го калибра, в течение года державший в страхе Нью-Йорк, назвался полицейскому, сопровождавшему его в камеру, своей кличкой «сын Сэма» — другого имени для него уже не существовало. Знаменитость, о поимке которой сообщали агентства всего мира, чье жизнеописание выклянчивали за большие деньги издательства и киностудии, чье имя превратилось в символ насилия, захлестнувшего город, эта знаменитость, этот Берковиц улыбался для прессы и говорил: «Я — сын Сэма». Блицы, жужжание телевизионных камер, притихшая, вернее, благоговейно молчащая аудитория, внимающая словам героя дня, таков был и в тот раз традиционный антураж для знаменитости. Почему одни газеты находили его улыбку леденящей, другие загадочной? Да потому, что этот парень, брошенный когда-то родителями, вконец измученный собственной безвестностью, стал наконец то не таким, как все, стал **личностью,** приковавшей к себе интерес всего мира. «Убийство, — по словам Одена[2], — есть творение наизнанку. Убийца, совершая преступление, жертвует собственной жизнью ради минут, пусть даже мгновения, когда он познает такую жизнь, которая только и ценится в американском обществе».

Джеки, Марлон, Лиза, Лиз, Теннесси, Элвис, Мик и Бьянка. Мэрилин, Грушо, Бинг, Рейчел...[3] «Сделать имя» в народе, состоящем из иммигрантов (имена которых нередко пропадали навечно в порту прибытия), значит залечить рану, нанесенную утратой корней, значит доказать всем, что вновь прибывший прижился на земле, где люди горят желанием расстаться со своим настоящим именем в надежде составить себе более громкое: Арчи Лич (Кэри Грант), Руби Стивенс (Барбара Стэнвик), Берни Шварц (Тони Кёртис), Дорис фон Каппельхофф (Дорис Дэй)[4]. Звезды не дают умереть мифу индивидуализма; ведь слава есть не что иное, как мстительный триумф личности, сумевшей вознестись над безликой массой.

Американцам нелегко смириться с мыслью, что чего-то может не хватать; и чем больше нация осознавала, что нависший над нею энергетический кризис, растущая безработица и кризис городов ставят под угрозу веру в общедоступность материальных благ, тем пышнее расцветал культ знаменитостей. Победители в обществе, где каждый стремится обставить соседа, звезды свободного предпринимательства, всевозможные знаменитости выставляются на всенародное обозрение, дабы каждый видел, что система работает. Эти люди — живое воплощение ее экономических законов. В Америке, где классовые различия порой успешно заменяются различиями в объеме кошельков, знаменитости обладают властью все обращать в капитал: с кем бы их ни свела судьба, за что бы они ни взялись, даже любая неудача — все повышает их акции.

Редкие случаи отказа знаменитостей от популярности (Говард Хьюз, Грета Гарбо[1]) создают вокруг них особый ореол: современное общество не переносит тайн. Эгоцентризм знаменитостей неподражаем, а их мнимое всесилие создает видимость неограниченных возможностей. Глядя на них, невольно начинаешь думать, что Америка — страна благословенная. В результате слава превратилась в основную статью американского экспорта, воссоздающую в наисовременнейшем виде прежнюю иллюзию благоденствия.

Но слава — тиран: еще претендуют на звание идеальных образчиков старые знаменитости, а общественность, избалованная самими же знаменитостями, когда-то свалившими прежних кумиров, уже жаждет новых имен. Тут как в запое: чтобы ударило в голову, с каждым разом приходится увеличивать дозу. Создав потребность в знаменитостях, фабрика успеха вынуждена поставлять звезды все большей величины. Под искусственными лучами славы люди, как тепличные помидоры, «выращиваются» до гигантских размеров, теряя при этом свой неповторимый аромат. Ряды знаменитостей пополняются, и даже те, чья карьера уже закончена, все еще утешаются, посасывая облатку былой популярности.

Помешательство прессы на знаменитостях дало повод Энди Уорхолу[2] ядовито бросить: «В будущем каждый сможет стать знаменитым на 15 минут». Такова уж оборотная сторона американского мифа об изобилии, безжалостно эксплуатируемого средствами пропаганды, — «головокружительные» карьеры заканчиваются здесь «феноменальными» крушениями. Обыватель смакует закат очередной звезды как жертву, которая, унавозив почву, даст возможность взойти еще более сочному и сильному побегу.

Журнал «Пипл» завел даже такую рубрику «А вы знаете, где теперь такой-то?». Более двух тысяч мужчин, женщин и детей промелькнуло на страницах «Пипл» за 1976 год. Некоторые из них были знаменитостями и останутся ими еще какое-то время. Другие явились на свет из безвестности на мгновение, чтобы тут же затеряться в толпе. Знаменитости, схватившие за горло миф об общедоступности славы, сами по себе становятся псевдособытием в жизни общества, отвлекая таким образом его внимание от реального положения дел во имя химер. Такова плата за отсутствие национальной исторической перспективы. Приводятся в движение все рычаги культуры, дабы канонизировать чьи-то успехи в храмах славы. Выстроены пантеоны выдающихся деятельниц стриптиза, бейсболистов, государственных мужей, ковбоев, владельцев собачьих упряжек, зверей-актеров — чуть не 750 капищ славы: жалкая попытка расставить вехи в национальной истории и тем самым утвердить культурные ценности.

Знаменитости соединяют в себе два наваждения американца — неугомонность и предприимчивость. О звездах редко говорят, не называя их собственную цену или цену товара, который они рекламируют, или их собственной удачной сделки. Чувствуя приближение «момента истины», боясь упустить его, звезды торопятся сделать ставки. Успех достигнут, но почивать на лаврах нельзя. В погоне за бессмертием они жаждут испытать самолично, что такое власть, попробовать ее на вкус, распространить как можно шире.

Слава в Америке — это сделка: за пропуск приходится расплачиваться духовной инфляцией. Добиваясь разнообразия, подстегивая себя и жизнь, теряешь углубленность и равновесие. Преследуя успех, все быстрее раскручиваешь колеса воображения, подчиняя жизнь одной страсти. Взлет становится смыслом существования.

Достигнув определенной скорости, любое тело начинает разрушаться. Политики и прочие деятели пытаются ослабить перенапряжение алкоголем и наркотиками, но огромное всевластие никак не совместить с реальными нуждами личности. «Куда как неплохо, когда тебя все узнают, восхищаются тобой, когда о тебе постоянно пишет пресса, а деньги сами плывут тебе в руки, — писал Бертран Рассел, опасавшийся, как бы он «не сломался и не выдохся к тридцати годам» под бременем славы. — Но когда человеку все доступно, ему трудно продолжать делать то, к чему у него лежит душа». Американская история изобилует ходячими примерами жертв успеха: Ричард Никсон, Джуди Гарланд, Мэрилин Монро, Теннесси

---

[1] *Губернатор Алабамы, убежденный расист, раненный маньяком во время выступления на предвыборном митинге. (Примеч. ред.)*

[2] *Уайстон Оден — английский поэт. (Примеч. ред.)*

[3] *Жаклин (Джеки) Кеннеди — супруга покойного президента США Дж. Кеннеди, затем греческого миллионера Онассиса; Марлон Брандо — киноактер; Лиза Минелли — певица и актриса; Элизабет (Лиз) Тейлор — киноактриса; Теннесси Уильямс — известный драматург, в Советском Союзе поставлены его пьесы «Трамвай «Желание», «Орфей спускается в ад», «Предназначено на слом» и другие; Элвис Пресли — рок-певец; Мик Джеггер — руководитель группы «Роллинг Стоунз»; Бьянка — жена Джеггера, киноактриса; Мэрилин Монро — киноактриса; Грушо Маркс — артист; Бинг Кросби — джазовый певец; Рейчел Уэлч — киноактриса. (Примеч. ред.)*

[4] *Звезды американского кино. (Примеч. ред.)*

[1] *Говард Хьюз — американский предприниматель-миллионер, обставлявший свою жизнь и деятельность секретностью и таинственностью. Грета Гарбо — известная звезда американского немого кино. (Примеч. ред.)*

[2] *Энди Уорхол — популярный американский художник, кинорежиссер, юморист. (Примеч. ред.)*

Уильямс — все они публично пережили крах, но и самый этот крах сумели обратить на пользу мифу.

«В круг аристократии успеха, — пишет С. Дж. Перельман в книге «Роль красавицы», — посторонние не допускаются». Слава создает свою замкнутую касту. Звезды сохраняют и расширяют свое влияние, объединяясь с другими звездами, сбиваясь в компании, как все американцы, по профессиональному признаку. Стоит телеобозревательнице Шер назвать Вашингтон «столицей преступного мира», как президент Картер звонит по телефону, чтобы тактично попенять ей за эти слова. Умирает Элвис Пресли, и Кэролайн Кеннеди[1] приходит на закрытую мемориальную службу, где ей одной, кроме семьи умершего, разрешается лицезреть закатившуюся звезду. Суть этого явления хорошо уловил Шерман Биллингслей, учредитель легендарного места «скопления звезд» — «Сторк-клуба»: «Стайка знаменитостей, заметил я, делает кафе популярным. Люди гораздо охотнее платят за то, чтобы взглянуть друг на друга, чем за еду, выпивку или обслуживание».

Необходимость быть постоянно на виду сужает жизненный опыт знаменитостей, хотя и позволяет расширить круг полезных знакомств. Вместо того чтоб набираться живых впечатлений, они их набирают со стороны в готовом виде. Слава обедняет жизнь, что, в свою очередь, неизбежно приводит к творческому оскудению. По мере того, как жизнь знаменитостей медленно, но верно хиреет, выхолащивается и их творческий дух. Особенно это верно в отношении американских писателей. В Америке писатель тщится развить свою индивидуальность и укрепить свою популярность — задача невыполнимая, так как слава, требующая от человека неукоснительного следования общепринятым канонам преуспеяния, несовместима с индивидуальным талантом. Торопясь предстать перед читателем, романисты стремятся напечататься раньше времени. Слава — это подчас путь наименьшего сопротивления; ведь гораздо легче подыграть публике, чем терпеливо работать. «Худшее из того, что может случиться с писателем, — иронизирует Мэри Маккарти в статье «Правда жизни и беллетристика», — это то, что он может превратиться в писателя».

Америка подняла на щит миф о славе, приспособила ее для своих нужд: сделав славу притягательной, наша культура преподносит ее как надежное средство самообороны. Потому-то стеклярусный блеск славы, сопутствующий предприимчивости и карьере, куда важней для общества, нежели конкретные люди, сделавшие эту карьеру. Слава оправдывает мстительность решительностью характера, манию величия — целеустремленностью, истерию — жаждой деятельности, алчность — перенесенными лишениями. Превознесение до небес всякого успеха заставляет обращать внимание скорее на формы и размеры его, нежели на его суть. «Не так уж страшно потерпеть провал, — заявил продюсер фильма «Доктор Дулитл», на котором кинокомпания «XX век Фокс» потеряла 28 миллионов долларов, — главное, провалиться с треском».

Мечта всегда занимала Америку больше, чем действительность, звезды же предстают живыми воплощениями мечты. Пока общество барахтается, не имея высокой цели, переживая упадок всех своих институтов, индустрия славы прилагает максимум усилий, чтобы создать видимость величия национальной культуры. Чем сильнее охватывает общество страх перед углубляющимся кризисом, тем больше оно творит кумиров. Американцы испытывают потребность в вере, а не в здравом смысле. Основной философией нации стал принцип «Я надеюсь, значит, я существую». В мгновенном ослеплении славой знаменитости вкушают все блага скоротечного успеха, забывая при этом, что лишь настойчивая работа, здравомыслие и выдержка смогли привести их к успеху.

Информация, получаемая нами, настолько засорена лишенными всякого смысла сообщениями, что за звездами не разглядишь неба. «Слава, — поет Дэвид Боуи[2], знающий ей цену, — у тебя нет завтра». Общество теряет ощущение пропорций, не в состоянии трезво оценить ни свое прошлое, ни свое будущее. Материальные выгоды, получаемые звездами, столь велики, а путь, ведущий к ним, кажется таким заманчивым и простым, что разве только катастрофа может заставить человека встряхнуться и перевести наконец взгляд с самого себя, увидеть других, избавиться от изматывающего душу невроза. Система жестка и стремится к дальнейшей устойчивости. Слава сводит цели и средства их осуществления к стереотипам; как результат — охваченное лихорадкой и вместе с тем вполне рутинное общество, в котором имена певцов сменяют друг друга, а пластинка остается той же.

Перевел с английского Сергей КОТОВ

---

[1] *Дочь убитого президента Дж. Кеннеди. (Примеч. ред.).*

[2] *Дэвид Боуи — известный певец, композитор. О нем «Ровесник» рассказывал в № 3/78. (Примеч. ред.)*

КТО-ТО ВЗБИРАЕТСЯ НА БАШНЮ

Гарри КРЮС,
американский писатель

Я снова приехал в университетский городок в Остине, штат Техас — вылетев из Гейнсвилла, штат Флорида, через Атланту и Даллас — в штат, в котором я поклялся никогда больше не бывать.

Случаются такие дни, когда я чувствую себя смертным — это как комок в горле, и не могу ни проглотить его, ни выплюнуть. Это чувство впервые появилось у меня, когда я был еще ребенком, и оно всегда появлялось по воскресеньям. Евангелист по имени Гарви Спрингер спас мою душу, но перед тем, как спасти ее, он дал мне понюхать серу и почувствовать, чем пахнет адский огонь, и увериться в том, что я испорчен вдали от справедливой милости господней — мне было тогда двенадцать лет.

Все мы, конечно, знаем, что когда-нибудь умрем, но никто из нас, конечно же, не верит, что именно он когда-то умрет. Это похоже на рождение ребенка-урода: это что-то такое, что всегда случается с кем-нибудь еще, но только не с нами. Но в такси по дороге из аэропорта в университетский городок я не только поверил в свою смертность, но почувствовал и запах своей открытой могилы, в которую меня опустят в один прекрасный день, я смог даже различить маленькие визитные карточки, прикрепленные к венкам, присланным друзьями и родственниками. Я вынул из кармана газетную вырезку и в десятый раз за последние два часа прочитал, что в Кейптауне, Южная Африка, мой последний роман был запрещен Управлением по изданию книг. Всякий, кто владел, ввозил или распространял «Пир Змей», как говорилось в газете, «нарушал закон и должен был быть подвергнут высоким штрафам». Я прочел это снова, так как эта газета заставляла меня ощутить реальность, понять, что где-то в Африке кто-то действительно прочел мою книгу и откликнулся на нее так живо, что зачислил меня в число тех, на кого правительство взирает с немилостью.

Но даже это не помогало в достаточной степени, и перед тем как войти в кабинет человека, который пригласил меня в университет, я поспешно зашел в библиотеку и просмотрел поименный каталог, отыскивая там свое имя. Да, мое имя там было. Я продолжал бормотать себе под нос что-то успокаивающее, когда входил в кабинет профессора, который пригласил меня в университет выступить. Никто не в состоянии объяснить, почему писатели занимаются такими вещами: проезжают сотни, иногда тысячи миль, чтобы прочесть из своих книг то, что слушатели могли бы и сами прочесть без труда.

Я немного опоздал, и нам пришлось поторопиться, когда мы шли по городку. Мы спускались по покатому склону холма, как вдруг профессор повернулся ко мне и неожиданно сказал: «Он был как раз позади вас, когда начал стрелять».

Я обернулся — позади меня была башня Техасского университета, откуда в понедельник утром в 1966 году Чарльз Уитмен застрелил 12 человек и еще ранил 33 человека, а перед этим, ночью, он убил свою мать и жену. Это бессмысленное кровопролитие стало вдруг для меня осязаемым и реальным, как если бы это случилось опять, и все, на что я был способен в этот момент — постараться удержаться и не броситься бежать.

Пока мы шли, он все говорил, оглядываясь то и дело на башню. «Когда начали падать первые, — говорил он, — было непонятно, откуда стреляют. Сначала они падали здесь, — он показал себе под ноги. — А потом они стали падать на одной стороне улицы, после — на другой».

«Сейчас башню закрыли, — сказал он. — Студенты кончали жизнь самоубийством, прыгая с самого верха».

Я старался не слушать. Я пытался думать о газетной вырезке и том неизвестном где-то в Южной Африке, который запретил мою книгу; я старался припомнить карточки, аккуратно прикрепленные к железным прутикам в именном каталоге.

«Но толку мало, — сказал он и показал налево, на высокую стену стадиона. — Они теперь прыгают отсюда. И небезуспешно».

В аудитории студентка подняла руку и задала вопрос — писатели всегда знают, какой удобоваримой ложью на него ответить. Она спросила: «Мистер Крюс, откуда вы берете свои сюжеты?» Я ответил стандартно, и, конечно, соврал, и повторять я это здесь не стану. Но, когда я говорил, я совершенно отчетливо видел несовершеннолетнего Чарльза Уитмена, одетого в форму бойскаута, — он стоял в католической церкви, он помогал священнику как служка. Потом я увидел того же Уитмена, уже двадцатипятилетнего, с ящичком, который носят морские пехотинцы, полным оружия: шестимиллиметровый «ремингтон» с оптическим прицелом четырехкратного увеличения, духовое ружье «ремингтон» тридцать пятого калибра, обрез двенадцатого калибра, пистолет «магнум» серии триста пятьдесят семь и девятимиллиметровый «лугер». Первого августа 1966 года, в понедельник утром, он тащил свой ящик с оружием через канцелярию, которая была на его пути, наверх, на башню, где ему предстояло стать одним из самых известных убийц в истории страны. В ночь с воскресенья на понедельник, где-то между десятью часами вечера и рассветом, он убил свою мать и жену.

Я видел Чарльза Уитмена маленьким мальчиком и позже, в возрасте 25 лет, после всех совершенных им убийств; я видел его там, в комнате, где проходил семинар, и я знал, что я не вспоминаю и не вызываю в воображении его, я действительно его вижу. В то же время я знал, что его там не было, что он спокойно и благополучно лежит в земле, которая ждет всех нас. Я не чувствовал никакого противоречия в том, что я видел и знал. Два взаимно исключающих понятия мирно соседствовали в моем сознании.

Поздно вечером, когда закончился ужин, я один вернулся к Техасской башне. Я сидел на траве и смотрел на башню (триста семь футов в высоту), и всевозможные мысли проносились у меня в голове. Первой мыслью было высказывание Гёте: «Нет ни одного преступления, в котором я не мог не чувствовать своей вины». И я подумал о том, что Чарльз Уитмен в свое время советовался с университетским психиатром, он говорил, что бывают дни, много дней, когда ему хочется залезть на башню с ружьем крупного калибра и начать стрелять в людей. Как же долго ему пришлось сопротивляться этому искушению? Какую душевную борьбу он должен был выдержать до того, как потерпел полное поражение? Все это ничего не решает, и не оправдание это для него, и не защита. Но, сидя там, на траве, я пытался представить себя где-то высоко над городком, откуда улицы кажутся чертежами; я пытался представить себя взгромоздившимся на башню с таким же ящиком, как у Уитмена, ящиком, полным смерти.

Возможно, это и хорошо, что власти университета в Техасе закрыли башню, откуда Уитмен спокойно и с неправдоподобной аккуратностью стрелял в матерей, мужей и детей, но убивал он их потому, что это было его потребностью, потому, что вся его жизнь, все, что сделало ее, привело его туда.

Где-то ближе к утру я встал с травы и вернулся к себе в комнату. Этой ночью мне пригрезилось, как меньше чем за три недели до того, как Чарльз Уитмен взобрался на башню, Ричард Спек систематически уничтожал студенток Чикагского университета, вызывая одну за одной, по очереди, и убивая их.

Когда я проснулся, я знал, что этот день будет хуже, чем предыдущий, и что я не мог надеяться отделаться от всего этого здесь, а только там, где я буду в безопасности, дома, с моими книгами, и моей машинкой, и со всеми негодными и незаконченными рукописями, лежащими на моем столе. Я хотел вернуться туда, где я должен был бороться со многим, и уступать многому, и проигрывать во многом; туда, где даже если я преуспевал, я терпел неудачу, потому что все никогда достаточно хорошо не бывает

В конце концов я уехал из Остина и вернулся в Гейнсвилл, штат Флорида. Но на пути домой меня тревожила мысль, что мне не миновать Далласа, штат Техас, этого города смерти. Кажется, невозможно появиться в Далласе и не иметь каких-нибудь неприятностей, невозможно избежать руки врага, которую он кладет на твое плечо. В этом городе мне всегда хочется поднять руки и сказать: «Каким бы ни было обвинение, я признаю себя виновным». В Далласе, штат Техас, я в и н о в е н.

Я не оставил Чарльза Уитмена в Остине. И никогда не оставлю. После того как он был убит полицейским по имени Мартинец, вскрытие показало, что у него была опухоль размером с орех, находившаяся в мозговом стволе. Разные психиатры высказывали догадки, что эта опухоль, возможно, и могла послужить причиной того, что Чарльз Уитмен влез на башню. Как успокоительна такая мысль! Но я не верю, что события в Техасском университете, в Остине, были вызваны опухолью.

Я ехал в Гейнсвилл и все мучился этим чувством нереальности — нереальности моего движения, моих поступков и моих слов: кто-то в этот момент взбирается на свою башню, и я могу только надеяться, что его взгляд не падет на меня. Но где-то там, в глубине, я лелеял самую серьезную надежду — может, моя башня минует меня. Потому что если я и верю во что-нибудь, так это в то, что моя башня где-то меня поджидает. Я не знаю, отчего это так, у меня нет никаких соображений на этот счет, но где-то там, за углом, или на зеленом лугу, или на какой-нибудь шумной улице, она существует. Она ждет.

Перевела с английского Н. ХРОПОВА

ДОРОТИ ХЭМИЛЛ, СУПЕРСТАР

Филип ТАУБМАН,
американский журналист

Весь прошлый год — это был ее первый сезон в ревю «Айс Капэйдз» — Дороти Хэмилл терзала одна проблема. Оказалось, что у нее слишком маленькая грудь — по крайней мере, люди из «Айс Капэйдз» так считали. До тех пор у Дороти не было никаких забот с ее скромным телосложением. Никто не жаловался на ее фигуру, когда она получала золотую олимпийскую медаль в Инсбруке: тогда Америка буквально влюбилась в Дороти Хэмилл, робкую, милую девчушку, катающуюся с такой грацией.

В «Айс Капэйдз» требовали, чтобы портные «сбалансировали» фигуру Дороти при помощи фальшивых подкладок. Дороти пыталась сопротивляться, портные шли на некоторые уступки, но огромный бюст оставался. «Я не могу передать вам, как я боролась с этими людьми», — говорит Дороти.

Она проиграла. В течение двадцати шести недель в двадцати городах Соединенных Штатов перед более чем миллионом зрителей Дороти Хэмилл в своих новых костюмах выглядела как «герл» из дешевого кабаре.

История могла бы быть смешной, если бы она не была столь грустной. Дороти дрожит, когда рассказывает ее. По правде говоря, Дороти Хэмилл вовсе не «маленькая шалунья», какой ее подают с экрана. Она маленькая грустная девушка: стоило ей получить свою золотую медаль, и она стала одной из пешек Голливуда, Мэдисон-авеню и телевидения. Она стала продуктом, который упаковывают, маркируют и на котором наживаются — пока популярность его не падает. Прошло два года после величайшего триумфа в ее жизни, и Дороти Хэмилл превратилась в одинокое испуганное существо, потерявшееся на дороге к славе и богатству.

Ее молчание говорит более красноречиво о ее муке, чем слова. «Вы счастливы?» — спрашиваю я ее. Она молчит. Теплый ветер колышет шторы в отеле «Сент-Луис», где мы беседуем. Дороти сидит, окутанная молчанием. В ее глазах глубокая печаль. Наконец она говорит: «Я не знаю! — Пауза. — Думаю, я счастлива, — добавляет она послушно. — Иногда».

«Не считаете ли вы, что теперь находитесь под слишком жестким контролем?» — спрашиваю я. На этот раз отвечает не колеблясь: «Нет».

За этими простыми словами лежит Американская Трагедия. Это рассказ о родителях, которые видят свое собственное бессмертие в достижениях своего ребенка, толкают его к успеху, но не могут подготовить ни себя, ни свое дитя к тому, как жить с этим успехом. Это рассказ о менеджерах и пресс-агентах, которые видят в золотой медали золотоносную жилу и в ажиотаже рвутся к ней, чтобы первыми застолбить участок. Это рассказ о Голливуде и телевидении, разрушающих целостность художника, сводящих его творчество к банальной дешевке. И, по большому счету, это рассказ об обществе, озабоченном славой и отравленном бациллами материального преуспеяния. В конце концов, Дороти Хэмилл всего лишь создание — и жертва — нашей замешенной на звонкой монете культуры, жертва жестокой Американской Этики: наживайся на своей золотой медали. Будь богатой. Будь знаменитой. Будь звездой.

У Дороти была одна мечта — учиться в колледже. Я впервые встретился с ней за месяц до Олимпиады, и тогда она говорила мне, что после Игр оставит лед. Она надеялась, что еще не поздно сравняться со своими ровесниками и посту-

пить в колледж. А потом... Потом она стала национальной героиней. Дороти вернулась домой из Инсбрука, и балет на льду, телевидение, косметические фирмы стали предлагать ей свои услуги. И огромные суммы денег, о которых она раньше могла только мечтать. Агенты из Голливуда и Нью-Йорка по очереди соблазняли ее, постоянно увеличивая сумму искуса. Они обещали сделать из нее звезду и миллионершу. Они искушали ее примерами Джона Денвера и Барбры Стрейзанд[1]. Фабриканты игрушек видели в мечтах целые толпы кукол «Дороти Хэмилл». Кроме того, каждый день почтальон приносил в дом Хэмиллов в Риверсайде, штат Коннектикут, целые мешки писем от тех, кто смотрел выступления Дороти по телевизору. Кроме того, в салонах красоты по всей стране женщины умоляли парикмахеров постричь их «под Хэмилл».

Это было прекрасное время. Слишком прекрасное. Девятнадцатилетняя Дороти, которая до того видела в жизни лишь семичасовые ежедневные тренировки (и это в течение одиннадцати лет), знала все о «восьмерках», но ничего о семизначных суммах. А поскольку бо́льшую часть своей жизни она провела на катке, она плохо представляла себе, что происходит за его бортиками. Она была гораздо инфантильнее своих сверстниц. Ее родители ничем особенным помочь ей не могли. Отец Дороти, Чалмерс Хэмилл, копил и занимал, чтобы наскрести требуемые 75 тысяч долларов, обеспечивающих Дороти занятия фигурным катанием. Это значительная сумма для среднего чиновника. Ее мать, Кэрол, вложила в карьеру дочери нечто большее, чем деньги. Корни ее были в Риверсайде, но она бросила все, превратилась в кочевницу, переезжая с Дороти из города в город, от тренера к тренеру. Каждый прыжок, вращение и падение дочери она пережила сама.

После триумфального возвращения Дороти с Олимпиады Хэмиллы растерялись. Не искушенные в шоу-бизнесе, родители и дочь толком не могли себе представить, что же делать дальше. Конечно, для старших Хэмиллов, которые вложили столько времени, денег и эмоций в карьеру дочери, ее золотая медаль казалась крупным выигрышем. Я любил их и хотел помочь им, а то по неопытности своей они просто могли запродать Дороти тому, кто больше даст. Я предложил им посоветоваться с моим отцом, бывшим театральным критиком в «Нью-Йорк таймс», и моим дядей, известным юристом, долгое время работавшим в шоу-бизнесе, — на том основании, что Таубманы финансово никак не заинтересованы в карьере Дороти. Беседа длилась час, и стало ясно, что Хэмиллы испытывают сильное искушение подписать контракт с одним из известных агентов, дабы Дороти могла получить как можно больше.

Спустя несколько недель Хэмиллы приняли решение. Они выбрали в менеджеры Джерри Вейнтрауба и гарантировали ему пятнадцать процентов всех заработков дочери. Для Вейнтрауба, который был одним из первых соискателей Дороти после ее возвращения из Инсбрука, она лишь очередная ставка в игре. В его «конюшне звезд» уже стоят певцы Нейл Даймонд, Джон Денвер, Боб Дилан: Вейнтрауб один из самых успешных менеджеров.

[1] *Джон Денвер — известный американский певец; Барбра Стрейзанд — певица, киноактриса. Советские зрители знают ее по фильму «Смешная девчонка». (Примеч. ред.).*

Вейнтрауб взялся за дело, и вскоре Дороти начала приносить доход. «Айс Капэйдз» подписали с ней контракт на два года — по этому контракту Дороти получала миллион долларов. Косметическая фирма «Клэйрол» пригласила ее рекламировать шампунь «Маленькая шалунья». Игрушечная фирма «Айдиэл той» закрепила за собой право на производство кукол «Дороти Хэмилл» (по 10 долларов за штуку). Фирма «Америкэн оптикэл» предложила Дороти рекламировать очки. Все это дало еще 200 тысяч долларов. Чалмерс Хэмилл смог расплатиться с долгами.

Такие деньги могут получать только звезды, Дороти и стала ею. Сейчас она ведет телепрограммы, о ней говорят в газетных колонках светских сплетен, ее узнают на улице. Шесть вечеров в неделю она катается в свете прожекторов перед тысячами зрителей, и конферансье объявляет: «Леди и джентльмены! «Айс Капэйдз» имеет честь представить вам звезду нашей программы: чемпионка мира и Олимпийских игр Дороти Хэмилл!» Тринадцать лет прошло с того дня, когда Дороти зашнуровала свои первые ботинки с прикрепленными к ним маленькими, почти игрушечными коньками, и Дороти завидуют сейчас все американские фигуристы-любители: она олицетворяет их идеал. Брюс Дженнер, чемпион летней Олимпиады-76 в десятиборье, высказал все это в куплете, который он спел в одном из телешоу Дороти:

О, если б они могли видеть меня сейчас,
Эти парни из Монреаля!
Вряд ли б они поверили,
Что праздник, в котором живет старина Брюс, — реален.

Да, только не стоит «парням и девушкам» из Монреаля, из Инсбрука думать, что все это так хорошо и просто. Я считаю, многим из них лучше бы иметь перед глазами другой пример, другую олимпийскую звезду: русскую гимнастку Ольгу Корбут. Последние фотографии Ольги появились в прессе, когда она объявила о том, что покидает гимнастический помост. Она изменилась. Маленькая озорная девчонка с широкой улыбкой выглядела как умудренная жизнью домохозяйка. Она потяжелела, и ее волосы были собраны в скромный пучок. Сначала я подумал, что все это очень печально, но потом я вспомнил Дороти Хэмилл и понял: Ольга Корбут не стала миллионершей, не стала звездой, но у нее есть то, чего лишена Дороти Хэмилл, — достоинство.

В последний раз я видел Брюса Дженнера во время съемок очередного телешоу «Дороти в Голливуде». Он сидел под зонтиком на крыше, одна команда техников пыталась создать густое облако при помощи кучи сухого льда, а другая команда суетилась вокруг Дороти, обкручивая ее стальной проволокой. Задача была следующая: облака, дым, туман цветной, и вот под кра-а-а-сивую музыку Дороти Хэмилл взлетает в «изячном» прыжке (точнее, ее подтягивают на проволоке) на крышу к ждущему ее под зонтиком Брюсу Дженнеру. Да, кстати, по сценарию Брюс Дженнер играл Джеймса Бонда.

Для Дороти это всего лишь очередное унижение, а каждая съемка на телевидении — целый букет таких унижений. В прошлом году ее послали в Квебек сниматься в шоу о зимнем карнавале. Дороти надеялась участвовать в карнавале и сама. Когда она приехала, обнаружилось, что карнавал кончился неделю назад, да и шоу давно отснято. К тому же выяснилось, что сценарий тех кусков, в которых должны были доснимать Дороти, не готов. И вот она стояла в своем открытом костюмчике на пронизывающем канадском ветру и ждала, пока режиссер с помощниками придумают, что же ей делать. Ничего удивительного, что шоу это успеха не имело.

В этом году им лучше было бы не иметь никакого сценария, чем тот, который они создали. Шоу именовалось «Дороти Хэмилл представляет победителей» и призвано было стать одной из основных развлекательных программ. Тощенькая идея, растянутая на целый час. Первая сцена: Дороти должна прыгнуть сквозь огромную страницу из словаря на букву П. Слово «победитель» на странице выделено жирным шрифтом.

Серьезно. Сценарий выглядит так:

Голос. Леди и джентльмены, наша олимпийская чемпионка Дороти Хэмилл! (Аплодисменты. Дороти прыгает сквозь страницу, и камера замораживает ее в полете.)

Ведущий программы. Дороти Хэмилл представляет победителей! (Камера размораживает Дороти, она приземляется и уезжает.)

Естественно, Дороти Хэмилл не доводилось до сих пор прыгать сквозь словарные страницы. Единственное сопротивление, которое ей приходилось преодолевать при прыжках, — сопротивление воздуха. «Я боялась до смерти», — вспоминает она. Она уже было подготовилась к прыжку, как кто-то заметил, что лист слишком толст: никто об этом не подумал заранее, и телевизионщики собирались заставить Дороти прыгать сквозь бумагу, которая могла и не разорваться. Подготовили другой лист. Дороти разогналась, прыгнула. «Плохо! — объявил режиссер. — Не в центр!» Принесли еще один лист. Плохо. (На этот раз она забыла улыбнуться.) Развернули третий лист. «Я чувствовала себя, как цирковой пудель», — говорит Дороти. Наконец ей удалось прыгнуть — и в центр, и с улыбкой. «В это невозможно поверить — тринадцать лет я тренировалась для того, чтобы скакать через словарь!»

Следующий номер назывался «Бродвей на льду». Дороти попросили потанцевать под песенку из мюзикла «Хористы». В принципе это была неплохая идея. Песенка симпатичная, и Дороти могла бы подготовить хороший танец. Вместо этого режиссер приказал Дороти стоять на одном месте и лишь подкидывать вверх ноги, как девушка из опереточного кордебалета. Дороти пыталась выглядеть грациозно, но у нее ничего не получалось. Главное преимущество Дороти-фигуристки — большая скорость катания: именно скорость давала Дороти возможность совершать высокие и сильные прыжки. А тут... В ярком свете прожекторов она казалась неуклюжей, а режиссер командовал: «Выше, выше ноги!» Дороти пробовала снова и снова, вдруг она закрыла руками лицо, крикнула: «Ну почему мне нельзя двигаться, ну почему?!» Так кричат мартышки в зоопарковых клетках...

«Почему мне нельзя двигаться? Почему я не могу кататься, как я хочу?»

«Дороти Хэмилл-шоу», в котором Дороти Хэмилл катается! Фу, что за еретическая мысль! Это-не-есть-развлечение — по Голливуду. Это-не-есть-шикарно — позволить лучшей фигуристке своего поколения просто показывать хорошее катание. Она должна петь, и танцевать, и «представлять». Она появляется на экранах в восемь часов вечера — семейный час! —

в программе «Варьете». Она должна прыгать сквозь страницы словаря, она должна слетать с крыш, она должна кататься, стоя на одном месте. А причина: Голливуд не верит, что просто катание будет «продаваться». Фрэнк Брилл, продюсер последнего шоу Дороти, объясняет: «Олимпийские игры — это совсем другое дело. Там реальное напряжение, соревнование. Это захватывает. Это похоже на выборы «Мисс Америка». Люди борются за что-то. В развлекательных программах ничего такого нет. Там одно шоу соревнуется с двумя другими шоу». Брилл имеет в виду шоу «Космические силы» и «Колдунья». Брилл считает программу Дороти «чертовски занимательной».

Голливудский подход к фигурному катанию раздражает Дороти. Она знает, что в спорте талантливый фигурист равнозначен художнику, она также осознает свои собственные артистические границы. «Это беспокоит меня, — говорит она, — я не актриса. Я не певица. Я фигуристка. Мне трудно развлекать людей каким-либо иным способом, мне трудно говорить перед камерой. А люди теперь судят обо мне как об актрисе и певице. Это несправедливо».

Я спросил ее, как она представляет себе идеальное шоу. «В нем должно быть много настоящего катания, — ответила она. — Это должно быть шоу, в котором бы я рассказывала о фигурном катании, как я его понимаю. Что оно значит для меня».

«А что вас останавливает?» — спросил я.

«Все говорят, что это будет слишком скучно».

Хотя финансирует телевизионные шоу Дороти компания, в которой она владеет половиной акций, она никоим образом не влияет на выбор сценариев. «С моим мнением никто не считается», — говорит она. Считаются с мнением ее партнера — Джерри Вейнтрауба.

Она не уверена в том, что Джерри такой уж хороший партнер: именно Джерри был продюсером того провалившегося шоу в Квебеке. Когда обсуждали этот провал, Джерри на обсуждение даже не явился. Больше всего ее беспокоит тот факт, что она недавно сделала еще три программы для телевидения, но не получила за них ни цента.

«Мне не заплатили, — говорит Дороти, — и я не знаю почему». Она потребовала финансовый отчет, чтобы выяснить, получил ли Джерри что-нибудь. Отчет был составлен так хитро, что понять она этого не смогла.

Вейнтрауб сказал ей, что эти программы никому ничего не дали. И все же Дороти сомневается. «Я знаю, Джерри Вейнтрауб не возьмется за работу, которая не принесет ему денег», — говорит она. Но она боится оказывать открытое сопротивление. «Джерри Вейнтрауб как бог, — сказала она мне, — я боюсь встречаться с ним. Я боюсь, что он будет меня ругать». Чертовски трудно быть звездой.

Но если Дороти чувствует себя неловко при общении со своим менеджером, то на людей, ведающих ее «связями с публикой», она просто зла. Этим занимается фирма «Солтерс и Роскин», одно из самых крупных агентств Нью-Йорка и Лос-Анджелеса. «Мы собираемся отказаться от их услуг», — говорит Дороти. Журналисты понимают ее негодование: «Солтерс и Роскин» оградили ее от всяких внешних сношений; с кем Дороти может встречаться, с кем не может — решают они. Впервые я увиделся с Дороти за месяц до Олимпийских игр. Я сидел с ее родителями в гостиной их номера в отеле «Колорадо-Спрингс», вдруг дверь отворилась, и на пороге показалась симпатичная заспанная девчушка. Она сказала зевнув: «Привет, я Дороти...» Я написал предолимпийскую статью о Дороти для «Тайма», а шесть месяцев спустя меня уже не подпускали к ней. «Солтерс и Роскин» заявили, что Дороти слишком занята. Как потом выяснилось, они просто не сообщили ей, что я ищу встречи. «Ко мне даже моих друзей не подпускают», — пожаловалась Дороти.

Менеджер, которому она не доверяет, пресс-агенты, которых она ненавидит... Дороти — одинокая звезда. Парень, с которым она встречается, и ее секретарь Кэти — оба они слишком молоды, чтобы давать ей дельные советы. «Слепой ведет слепого», — комментирует Кэти. Дороти редко видит своих родителей, да и отношения между ними сейчас стали напряженными. Те несколько недель в году, что она не путешествует с «Айс Капэйдз», не снимается для рекламы и тому подобное, она проводит в спортивном лагере Лос-Анджелесского университета. «Мы понятия не имеем, как она сейчас живет, — говорят родители, — мы видим ее слишком редко».

Путешествия Дороти с «Айс Капэйдз» — это упражнения в одиночестве. Дороти подается отдельный самолет — поскольку она звезда, а если она летит одним самолетом с труппой, все сидят в салоне второго класса, а она одна — первого (потому что она звезда). Как звезде, ей положена и отдельная артистическая уборная, и «люксовый» номер в гостинице, и все такое. Практически она насильно оторвана от своих сотоварищей.

Дороти обнаружила, что жизнь знаменитости имеет и свои теневые стороны. Одна из проблем — поклонники. Какой-то тип из Чикаго посылает ей ежедневно длиннющие письма с предложениями руки и сердца. Какой-то тип из Филадельфии обещает отписать ей в обмен на брак всю свою фабрику по переработке вторсырья. И так далее.

Мало радости доставляет ей и работа в «Айс Капэйдз». Труппа методично прочесывает город за городом — подобно бродячему цирку. Расписание: вторник — пресс-конференция, на которой будут задавать все те же неинтересные вопросы: «Дороти, собираетесь ли вы сниматься в кино? Дороти, когда вы начали кататься? Дороти, действительно ли вы собираетесь учить слепых детей фигурному катанию?» Вторник, вечер: первый день выступлений. Среда, четверг, пятница — ежевечерние выступления. Суббота — утро, день и вечер. В воскресенье — утро и день, потом успеть упаковаться и переезд в другой город. «В воскресенье вечером я уже буквально валюсь с ног».

В прошлом году зрители жаловались, что Дороти принимает слишком маленькое участие в программе. «Айс Капэйдз» добавили ей еще один номер. В этом году у нее три номера. Это означает, что по субботам она выходит на лед девять раз. Американские фигуристы-любители — сравните — выступают с такой же отдачей практически лишь три раза в год — на региональном, национальном и мировом чемпионатах. Хуже того, номера Дороти ее саму нисколько не радуют.

Хозяева «Айс Капэйдз» сами подбирают музыку, сами ставят танец. Они говорят, что Дороти вольна отказываться от того, что ей не по душе, но, как выяснилось, это не так-то просто. «В новой программе мне не нравилось, как поют песню, под которую я должна была выступать. Они сказали, что найдут другого певца. Этот мне тоже не понравился. Тогда они сказали, что нашли третьего, и я вынуждена была согласиться. Как потом оказалось, все три версии были спеты одним и тем же человеком». Дороти любит импровизировать; в «Айс Капэйдз» любят четко поставленные, выученные номера. «Они привыкли к шоу-бизнесу, — говорит Дороти, — они действительно хорошо ставят массовку, кордебалет, но я-то люблю кататься. А они мне не разрешают».

Несмотря на эти разочарования и недовольство, Дороти все же не ищет перемен. И это, наверное, самое печальное. Она настолько не уверена в себе, что позволяет, чтобы ею управляли. Она ничего не делает, чтобы улучшить свои номера в «Айс Капэйдз», поскольку считает, что руководители труппы лучше ее разбираются в развлекательных программах. Она соглашается на все эти сомнительные сценарии на телевидении, потому что продюсеры говорят ей, что может «продаваться» только «Варьете». И она просто-напросто боится вступать в разговоры с Вейнтраубом по поводу своих финансовых дел.

Суматошная жизнь, внутреннее напряжение, нерегулярная еда привели к тому, что прошлой осенью у Дороти случился первый приступ язвы желудка. «Меня беспокоит многое, — говорит она. — У меня ни на что не хватает времени. Я мечтаю просто сидеть у себя в комнате и просто слушать музыку, но я знаю, что это кое-кому не понравится. Мне говорят, что я должна так проводить свое свободное время, чтобы об этом можно было рассказать по телевидению, «сыграть» на этом. Мне кажется, я все время делаю что-то неправильно. Я сомневаюсь, стоит ли мне участвовать во всех этих телевизионных шоу. А те, кто меня опекает? Справедливо, хорошо ли они обращаются со мной? Не обманывает ли меня Джерри? Меня это очень беспокоит. Но потом я думаю, что все это мое беспокойство ничего не значит. Пока я зарабатываю, все это ничего не значит. Пусть они делают со мной что хотят».

Я спросил Дороти, что бы она делала, если бы была предоставлена самой себе. «Я бы вообще ничего не делала», — вздыхает она.

Ей еще нет двадцати двух, а она уже запугана, она чувствует свое поражение, она хочет покоя. Ее поступками руководят силы, которые она не в состоянии понять. Ее сорвали с якоря и швырнули в Большую Американскую Развлекательную Машину. Теоретически она могла бы выйти из игры и начать жить по-своему, но для этого требуется большое мужество. Дороти им не обладает. Это означало бы сбросить с себя давление всей нашей культуры, это означало бы превращение звезды в мученицу. Средний путь — зарабатывать свои деньги, но и быть хозяйкой своей жизни — ей не по силам.

«Ну что вы, именно такое управление и позволяет ей быть полноценным человеком. Я слишком часто видел, как слава и успех портили людей. Их мечты превращались в кошмары... — Фрэнк Брилл говорит о Дороти, — всего этого с ней не произойдет. Я это знаю. Мы избавим ее от кошмара».

Что ж, будь богатой, Дороти... будь знаменитой... будь звездой.

Перевела с английского Н. РУДНИЦКАЯ

КОМУ МОЖНО ДОВЕРИТЬ СУМКУ ПОЧТАЛЬОНА ● МНЕНИЕ МИНИСТРА И РЯДОВЫХ ГРАЖДАН ФРГ ● ЕСЛИ ГОСУДАРСТВУ НЕДОСУГ ● «ЗВОНИТЕ, ПОСТАРАЮСЬ ПОМОЧЬ...» ● ЭТИ РОМАНТИЧНЫЕ КОЛОНИАЛЬНЫЕ ТОВАРЫ ● ЧАЙНАЯ НОСТАЛЬГИЯ В РОТТЕРДАМЕ

НЕ КО ДВОРУ

Генрих ЯЕНЕКЕ, западногерманский журналист

Каждое утро в 8 часов 15 минут из почтового отделения № 1 цепочка почтальонов устремляется по Цайль — большой торговой улице Франкфурта-на-Майне. Один из них Вольфганг Репп. Ему 27 лет, работать на почту он поступил в пятнадцать и за все эти годы ни разу не пожалел о том, что выбрал эту профессию. С первого взгляда видно, что Репп человек для почты подходящий: улыбчивое лицо, энергичен, ведет себя приветливо и сдержанно. В общем, он довольно удачная иллюстрация к словам рекламы немецкой федеральной почты: «Твой почтальон — человек, на которого можно положиться».

Любовь к своей работе и умение ее безупречно исполнять, конечно, качества очень ценные, но у Реппа есть один недостаток, столь серьезный, что дал руководству почты повод отказать ему от места. Дело в том, что Репп — коммунист.

Он не тот, кого досужие языки называют коммунистом почем зря, а настоящий, действующий член партии. Он представлял свою партию в 1972 году на окружных выборах в Буцбахе, в 1974 году на выборах в ландтаг земли Гессен. Он никогда не стремился скрывать свои взгляды. «Ну и что?» — вот что примерно он сказал руководству федеральной почты, когда его вызвали для беседы о том, не коммунист ли он. С тех пор «дело» Реппа и потянулось.

Вопрос: «Может ли коммунист быть почтальоном?» — во всех других странах Западной Европы наверняка сочли бы за анекдот. В нашей же благословенной Федеративной Республике этот вопрос не на шутку озадачил правительство и рассматривается со всей серьезностью.

Из интервью министра транспорта, почты и телеграфа ФРГ Курта Гшайдле журналу «Штерн».

— Господин министр, Федеративная Республика Германии единственное государство в Западной Европе, где коммунистам не разрешается работать почтальонами и машинистами.

— Мы исходим не из европейского права, а из западногерманских законов. А поскольку федеральное правительство и западногерманские суды неоднократно подчеркивали, что ГКП преследует цели, враждебные конституции, немыслимо, чтобы государственный служащий был одновременно членом этой партии.

— Короче, вы придерживаетесь мнения, что коммунист в ФРГ не может быть почтальоном? Не могли бы вы конкретнее объяснить почему?

— Да потому, что почтальон работает в сфере, связанной с государственной безопасностью. Он получает прямой доступ к корреспонденции, материалам, адресуемым частным лицам.

В 1975 году почтальон Репп был вызван руководством франкфуртской городской почты для объяснений. Год спустя начальник отделения Главного почтамта заявил ему: «При данном образе мыслей, герр Репп, вы не можете рассчитывать на работу, сами понимаете. Иными словами, увольнение неизбежно, если вам не удастся ликвидировать сомнения начальства относительно вашей верности конституции».

Сведения о «деле почтальона Реппа» просочились в печать и стали достоянием общественности. Комитет по борьбе с «запретом на профессии» собрал 10 тысяч подписей под петицией протеста, а региональное телевидение дало репортаж о «красном» почтальоне. Профсоюз западногерманских почтовых работников, в который Репп вступил, еще будучи учеником, кстати, председателем его когда-то был министр Курт Гшайдле, тоже не остался в стороне и выступил в защиту своего рядового члена. Под этим давлением федеральная почта все-таки не решилась уволить почтальона. В прошлом году Репп неожиданно получил уведомление о восстановлении на работе.

Однако ФРГ не была бы ФРГ, если бы начальство забыло о почтальоне. Спустя год к министру Гшайдле явился федеральный дисциплинарный прокурор Ганс Рудольф Клауссен, главный блюститель буквы закона, и потребовал немедленного увольнения Вольфганга Реппа. Министерство, заявил прокурор, ведет дело в недопустимой форме, и если Гшайдле не примет никаких мер, то ему самому придется заняться этим. Кроме того, Клауссен упрекнул министра и во втором досадном упущении — с машинистом Руди Рёдером. Подумать только коммунист Руди Рёдер по сей день водит поезда по Западной Германии!

Министр Гшайдле пообещал прокурору больше не затягивать с чисткой: почтальона он либо заставит умерить политическую активность, либо уволит окончательно, а от правления федеральной железной дороги потребует возбуждения дела против машиниста Гшайдле даже направил письмо канцлеру, в коем изложил главе правительства свои трудности с почтальоном и железнодорожником и предусмотрительно поставил его в известность о том, что во вверенных ему министерствах имеется еще целый ряд случаев, подобных этим

Из интервью министра Гшайдле журналу «Штерн».

— Не могли бы вы уточнить, сколько еще случаев, кроме Реппа и Рёдера, имели место на почте и железной дороге?

— На федеральной почте насчитывается 25, что касается железной дороги, то об этом узнайте в Главном управлении, этих данных у меня нет. Однако даже приведенная мною цифра показывает, что смешно и рано говорить о начинающемся массовом преследовании.

— Можно сказать и по-другому: при общем числе служащих в 500 тысяч 25 коммунистов не представляют опасности для почтового ведомства.

— Эта аргументация допустима лишь для тех, кто не заботится о соблюдении закона. Но где было бы западногерманское право, если бы мы могли сказать, что раз на 60 миллионов населения приходится только тысяча террористов, то мы можем вообще ими пренебречь. Я обязан законы соблюдать. Как руководитель двух министерств с общим количеством служащих в миллион человек, я не могу оставить в них и тени сомнения, что чиновник, являющийся активным членом ГКП, будет уволен. Такова ситуация.

И вот Репп ждет — уведомление о восстановлении на работе могут отобрать со дня на день. А пока он, как и прежде, толкает перед собой свою тележку с почтой по Гюнтерсбургаллее и по Фегельсбергштрассе, раскладывает по ящикам письма, открытки и газеты, если кому заказное или наложенным платежом, звонит в дверь, вежливо улыбается, отвечает на приветствия и вопросы о здоровье.

Все жители участка знают о его «деле». Однажды я отправился по участку вместе с ним, и не нашлось ни одного человека, кто бы не выказал своего возмущения. «Он приличный парень, — сказал хозяин лавки на Рогелебергаллее, — его политические убеждения — это его личное дело, но к работе на почте они не имеют ровным счетом никакого отношения». Женщина в кондитерской по соседству сочувственно улыбнулась: «Он наш самый любимый почтальон. Что им за дело, что он коммунист, главное — почтальон-то он хороший». Пенсионер, которому Репп всегда отдает почту лично в руки, качает головой: «Ну и свинство же это! Нельзя же губить человека только из-за его политических взглядов».

Перевел с немецкого
В. ИЛЬИНСКИЙ

Номер «Штерна», в котором был помещен этот материал, вышел 15 июня 1978 года. По более поздним сообщениям западной прессы, Вольфганг Репп со службы уволен.

Идея пришла в голову Хайнцу Пейеру внезапно. Он как раз закончил ту главу своего романа, где его четырнадцатилетняя героиня Ирена находит совершенно неожиданный выход из положения. Да, положение у нее тяжелое, какое нередко бывает у подростков, еще не приспособившихся к этой запутанной и полной неожиданностей жизни, когда сразу возникает куча абсолютно неразрешимых вопросов. С кем посоветоваться, с кем поделиться проблемами, ведь нужно это сделать так, чтобы не показаться смешной, глупой, наивной? Ирена звонит по телефону, и... удача! На том конце провода голос друга: «Я еще раз перечитал это место и подумал: такое бюро помощи, советов, серьезных ответов на вопросы, кажущиеся многим взрослым несерьезными, обязательно должно существовать у нас в Швейцарии».

В середине января 34-летний швейцарский писатель Хайнц Пейер открыл бюро помощи по телефону в деревне Аэфлинген близ Берна. Целый день в его квартире не смолкает телефон. Пейер определил себе рабочий день: с десяти утра до девяти вечера он дежурит у телефона, отвечая ежедневно в среднем на 60 звонков. Впрочем, день на день не приходится, иногда их бывает и больше ста. Его домашний номер знают ребята не только по всей Швейцарии, но и во Франции и в ФРГ.

«Большая часть моих клиентов, — рассказывает Хайнц Пейер, — обычно желает остаться неизвестными. И это сильно затрудняет дело — я уже не могу оказать активную помощь. Например, очень многие жалуются, что их бьют: то ли отец часто приходит домой пьяный, то ли старшие братья и сестры злоупотребляют своей силой, бывает, что учителя в школе или одноклассники. Как тут помочь, если ни адреса, ни даже имени не знаешь. Но даже в таких случаях верю, что делаю полезное дело, и стремлюсь помочь хотя бы словом. Уж кто-кто, а я-то знаю, как трудно им порой приходится. И если я не прислушаюсь, не помогу, то кто же тогда поможет? Я всегда стараюсь, когда беру трубку, говорить тепло и абсолютно серьезно, так, чтобы мой друг на том конце провода поверил в мою искренность, в то, что я смогу решить самую сложную проблему и найду выход из любого положения благодаря моему жизненному опыту».

Похоже, Хайнцу Пейеру в детстве пришлось гораздо тяжелее, чем любому из его «клиентов». В два года он был отдан в приют. Три раза убегал оттуда, но каждый раз полиция возвращала его обратно. В 16 лет его против воли определили на работу в одно крестьянское хозяйство. Потом он трудился на молочной ферме, был шофером такси, поступил учиться психологии, одно время работал в небольшом ресторанчике... Пейер подводит итог своей юности: «Нет такой шкуры, в которую бы я самолично не влезал, нет у ребят таких проблем, которые мне не приходилось бы решать в моем детстве и юности. Самое страшное — это чужое равнодушие, безразличие. Я уверен, потому что испытал его на себе. Судя по большинству звонков, взрослые просто не хотят понять одного: то, что они считают ерундой, может быть для ребенка предельно важно. Понимать и помогать — огромная ответственность. Не так-то просто оправдать доверие подростка. Я стараюсь вести себя так, чтобы каждый ребенок чувствовал: для меня нет на свете ничего главнее его проблемы. Ведь только тогда он раскроется, расскажет о себе и тем самым даст мне средство помочь».

Хайнц оказывает помощь, естественно, бесплатно, хотя она стоит не так уж и дешево. Ежемесячно за телефон приходится платить 800 марок. Многие дети звонят из автоматов, многие просят еще раз позвонить им. Хайнц Пейер никогда не забывает сделать ответный звонок. Иногда он получает по почте деньги от людей, которые случайно узнали про его затею, одобрили ее, захотели помочь. По расчету писателя, он смог бы в одиночку справляться с работой не больше года, а потом это дело должно было бы взять на себя государство, в случае, конечно, если оно оценит, насколько это важно, и у него найдутся свободные деньги. Тогда Хайнц смог бы обработать весь накопившийся у него материал и преобразовать его в своеобразный энциклопедический словарь: «Я мечтаю опубликовать все мало-мальски интересные вопросы которые

мне задавали по телефону, а их примерно пятьсот, и дать на них подробные ответы, привести юридические обоснования, внести свои практические предложения. Если мне удастся сделать такую книжку, то она будет продолжением моей помощи всем моим юным друзьям, которым сейчас трудно, а может быть, даже и откроет что-то новое невозмутимым взрослым».

Перевела с немецкого
И. ПОРУДОМИНСКАЯ

Первыми в Европе чай стали пить голландцы. Как говорят, случилось это в 1610 году. Именно их компания — Ост-Индская — открыла «чайный путь» и захватила азиатский рынок чая. Позже, в 1636 году, чай попал во Францию, в 1638 году — в Россию, в 1658-м — в Англию. Поэт Окакура говорил, что чай, прежде чем стать напитком, был лекарством, что китайцы насадили его в царстве поэзии, а японцы сделали основой вероучения — теизма, прославлявшего прекрасное среди серых будней повседневности. В свою очередь, Европа возвела чай в символ цивилизации, обставив чаепитие церемониями, введя в обиход точное время поглощения этого напитка — файф-о-клок, установив строгие градации сортов и ароматичности и, наконец, изобретя для столь важной цели подобающую посуду. Сегодня в таблице потребителей чая лидируют англичане (98 любителей чая на каждую сотню жителей), далее голландцы (96); сильно отстали западные немцы (70), итальянцы (56), французы (48), бельгийцы (36). Всем ценителям чая голландцы посвятили в Роттердаме особую выставку. Так утверждают устроители выставки, которая, впрочем, издает явственный аромат их собственной ностальгии по временам, когда чай для Голландии был не только напитком среди напитков, но и образом жизни, а прежде всего богатством

Итак, мы в семнадцатом веке. Голландский флот похваляется ста двадцатью тысячами моряков и половиной тоннажа всего мирового флота, исключая Китай. Выручка от фрахта покрывает причуды любого бюджета, и компании обеих Индий не скупятся на дивиденды пайщикам. Вест-Индская компания основывает Новый Амстердам, который позже станет Нью-Йорком; Ост-Индская основывает Батавию, которая в 1950 году станет Джакартой. Амстердамский банк — непререкаемый авторитет во всем мире и готов за все, что угодно, выложить золото или серебро. Четырнадцать монетных дворов чеканят талеры со львом для Ближнего Востока, талеры с орлом для Балтики и Польши, золотые дукаты для России, серебряные дукаты для Индии и Китая.

Царившая тогда свобода торговли и денежного обращения превращается на «чайном пути» в свое продолжение: в колониализм. Кейптаун и Цейлон становятся главными базами Ост-Индской компании. Именно голландцы обращают в рабство готтентотов Южной Африки и создают колонии на островах Индийского и Тихого океанов. Цивилизация чая — это цивилизация завоеваний, эксплуатации и насильственного удержания земель. И если сегодня на выставке в Роттердаме поют гимны цивилизации чая, это значит, что голландское лицемерие продолжается. На самом деле там поют эпиталамы утраченной власти и силе, колониализму. Но поют, нужно сказать, со вкусом. Вкусом хорошего чая.

Выставка в Роттердаме — далекое путешествие во времени. Чайники чеканного серебра и чайники керамические; старинные гостиные, где мебель светится сказочными лаками; чайные наборы и толстенные трактаты о чае; рисунки и старые рекламы чая; восстановленные чайные лавки; модели клиперов, гоночных кораблей компании; картины, изображающие семьи почтенных буржуа, вкушающих чай... Поэзия идет рука об руку с историей и как-то облагораживает ее...

Поэт описывает три способа кипячения чая. Маленькие пузырьки, как рыбьи глаза. Большие пузыри, словно стеклянные раковины в глубине воды фонтана. Яростные, неистовые пузыри, бурлящие под музыку кусочков железа, уложенных на дно чайника. А историк сообщает, что Голландия достигла апогея своего развития, едва лишь родилась сама нация. И добавляет вопрос: как же могло это случиться?

Ответ доходит до нас, предваряемый замечанием поэта: лучшие чайные листья должны быть столь эластичны, чтобы складываться вдвое, «как кожаные сапоги татаро-монгольских всадников». Так вот, продолжает историк, голландская торговля распространилась по всему миру потому, что не было конкуренции, потому, что Португалию настиг в то время кризис, а прежде всего потому, что в республике не существовало тогда центральной власти, сдерживающей личную инициативу. То есть голландцы стали сильны, потому что никакая центральная власть не мешала им...

...Чай и специи обогатили Голландию вместе с доходами от морского фрахта, вместе с банками и тюльпанами, вместе с лаками и керамикой. Но и когда закончился несравненный семнадцатый век, золотой век Голландии, наступивший упадок не лишил страну тюльпанов ее колоний. И цивилизация чая прежней ширмой прикрывала мудро накопленные и сохраненные ею богатства и ее лицемерие. Голландцы утверждают, что они не были ни расистами, ни жестокими колонизаторами (гравюра, которую вы здесь видите, иллюстрирует их «мягкие» методы в Батавии. — **Примеч. ред.**). Велико же было удивление голландцев, когда в 1945-м, после того, как японцы были изгнаны с Индонезийских островов, неблагодарные аборигены отказались признавать старых и добрых хозяев. Прошло пять лет стычек, переговоров, попыток разъединить страну, пока наконец не было провозглашено новое независимое государство

Голландия быстро оправилась от войны, сегодня это богатая страна, а Роттердам крупнейший в мире порт. Но воспоминания о прошлом не дают покоя. Выставка в Роттердаме тому доказательство: от каждого предмета, напоминающего о плодородных плантациях, о тропических пейзажах, о далеких островах, которые связывал с Голландией «чайный путь», доносится тонкий и стыдливый аромат ностальгии по временам, «когда все было лучше».

«Тогда, кроме прочего, у нас было много чая», — можно услышать здесь. И речь не идет о плантациях. Теизм как вера разделяет всех людей на тех, «у кого много чая», то есть предприимчивости, энергии, уверенности, и тех, у кого «чая нет». «Сейчас у нас мало чая», — говорят здесь.

Перевел с итальянского
С. РЕМОВ

МЕЛОЧИ ЖИЗНИ КРУПНЫМ ПЛАНОМ

ДОРОГИ МИФОВ

«Боже, мы идем в Боди!» это предупреждение господу было нелишним, потому что тысячи американцев толпами спешили прямо в лапы к дьяволу. Боди была дыра отчаянная — деревянный городок большей частью из хибар (но с салуном, парикмахером, шерифом — все как положено), заброшенный на 3000 метров над уровнем моря (какое море? раскаленная пустыня!) в Калифорнии. Но в Боди копали золото!

Городок сохранился и, как мираж в пустыне, как кадр, вырезанный из вестерна, вызывает умиление. Да что там! Голливуд хоть завтра может присылать сюда киногруппу...

В глубь колумбийских джунглей по тайным тропам пробираются тысячи бедняков, поставивших на карту все: жизнь или богатство. Они будут лихорадочно копать тесные шахты, перемывать в реках тонны песка и камней — все в надежде найти изумруды. Они есть там, в дебрях Колумбии, это точно. Как точно и то, что принадлежат они государству, а потому дороги и тропы к тем местам охраняются солдатами. Как точно и то, что на обратном пути их будут поджидать шайки гангстеров — для многих изумрудоискателей дорога в джунгли оказалась в одну сторону. Как точно и то, что будут они, добравшись до горных деревушек, ютиться в хижинах и пещерах, и будет у них свой салун – продавец самогона и свой шериф — главарь местной банды. А потом будет опасный путь до Боготы, где в каком-нибудь переулке они за бесценок продадут изумруды перекупщикам.

А может, когда-нибудь будет и миф о «славном времени» изумрудоискателей, и новые вестерны, и поселки-музеи?..

ЧЕЛЕНТАНО, РАЗУМЕЕТСЯ!

Адриано Челентано — сорок. Почтенный вроде бы возраст в глазах тех, кто знает его как исполнителя песен сумасшедшего ритма и осатанелого напряжения. Он начал в 1959 году, прославившись песней «Твой поцелуй — как рок». Но таков уж был рок, что в середине шестидесятых «рок» закатился.

Он не угомонился и сегодня: все столь же буен и неуемен. Снимает очередной фильм — «Сумасшедший Джеппо», в котором занят как режиссер, сценарист, продюсер, исполнитель главной роли, композитор и исполнитель песен. Чтобы как-то скрасить монотонность жизни, Челентано параллельно снимается в чужом фильме. В трех ролях сразу, разумеется.

«МСЬЕ ОКЕАН»

Ален Бомбар вошел в легенду четверть века назад: в 1952 году молодой французский врач пересек Атлантический океан на спасательном плотике «Еретик», не взяв с собой ни воды, ни пищи. Целью его отважного эксперимента было доказать, что потерпевшие кораблекрушение могут, нет, **обязаны** выжить в критических обстоятельствах. Обо всем этом д-р Бомбар написал книгу «За бортом по своей воле», переведенную и на русский. А что было потом?

Показав на собственном опыте, как человек способен бороться против океана, он одним из первых включился в борьбу **за** океан. Поселившись на маленьком островке у Средиземноморского побережья Франции, д-р Бомбар возглавил научное учреждение под названием «Обсерватория моря». Его обсерватория стала центром пропаганды знаний о жизни морских обитателей, куда раз в неделю целыми классами привозят детей. Наконец, с прошлого года он ведет регулярные передачи по телевидению на тему «Океан — наше будущее». «Мой день расплапирован до минуты, — говорит д-р Бомбар. — Остается ночь. А поскольку после плавания на «Еретике» я сплю не больше трех часов в сутки, то ночью я играю на виолончели. Музыка рождает самые ценные идеи».

ЛУЧШИЕ КАЧЕСТВА КИНОЗВЕЗДЫ

На вопрос, какие качества наиболее ценны для кинозвезды, любой человек, сведущий в кинематографе, ответит: естественность поведения в любой ситуации. Вот и Белла, героиня фильма «Обезьянья мечта», показанного на последнем Каннском фестивале и получившего там специальную премию жюри, ведет себя совершенно адекватно. Привезенная во Дворец фестивалей, она поулыбалась фотографам своей ослепительной улыбкой и произнесла в микрофон нечто непонятное, но очень милое — репортеры заверили, что другие кинодивы говорят не более осмысленные вещи. Еще несколько интервью она провела по телефону.

ДОЛГИЙ МАРШ МАРЛОНА БРАНДО

Их было более двух тысяч, и они проделали 5000 километров. Собравшись в штате Арканзас на юге, американские индейцы пересекли всю страну — по землям, отобранным белыми у коренных жителей континента, — и закончили марш перед Белым домом. Здесь состоялся митинг. Выступавшие требовали предоставить индейскому меньшинству их законные человеческие права: «Мы не желаем оставаться туристскими экспонатами резерваций!» Среди ораторов «Марша 5000» был и знаменитый киноактер Марлон Брандо Мы писали уже о том, что в последние годы он стал одним из активистов правозащитного движения индейцев. Большая пресса Соединенных Штатов скептически утверждала вначале, что «игра в индейцев — рекламный трюк киноактера». Жизнь показала ложность такого утверждения. В 1973 году Марлон Брандо отказался от самой престижной премии — «Оскара», присужденной ему за фильм «Крестный отец», — в знак протеста против искажения Голливудом образа индейцев. На свой гонорар он выкупил несколько земельных участков, которые отдал индейским семьям. Сейчас Брандо намерен снять серию телефильмов, которые «вместо кровожадных дикарей показали бы американскому народу подлинное лицо старых обитателей Нового Света».

ЭФФЕКТ ОТСУТСТВИЯ

Неизвестно, предвидели ли свою дальнейшую судьбу Френсис Росси и его коллеги, когда пятнадцать лет назад они создавали ансамбль «Status Quo». Во всяком случае, сейчас ясно, что более удачного названия они не могли бы выбрать из всего множества слов и словосочетаний родного английского, латинского и прочих языков («status quo» в переводе с латыни — «положение, существующее в данный момент»). Единственное изменение, которое они претерпели за эти годы, — изменение в составе (десять лет назад от них ушел органист). Остальное без изменений: они играют тот же монотонный, но динамичный, старомодный, но все еще привлекательный, как и пятнадцать лет назад, буги-вуги. Они попрежнему находятся в золотой серединке в таблицах популярности. Они все так же нормально-немножечко-ненормально ведут себя на сцене.

Сначала они взрослели, теперь начали стареть, но все так же перекатываются через них, не нарушая ничем, волны моды, «новейших тенденций», обходятся без них «звездные» войны... И все так же соблюдают status quo их сначала взрослевшие, теперь стареющие поклонники. Поклонники добротного, профессионального ансамбля «Status Quo».

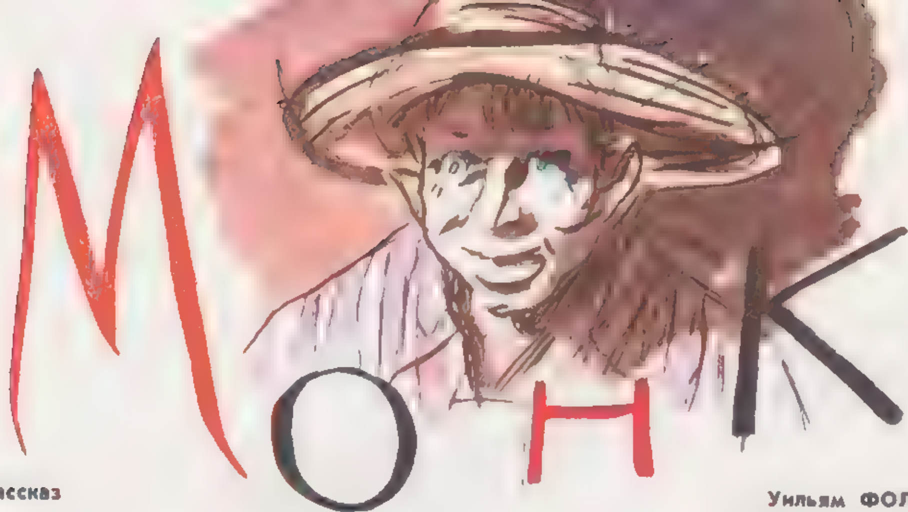
ДАР ПИКАССО

«...В сущности, кто такой художник? Коллекционер, который хотел бы составить коллекцию, самостоятельно рисуя те картины, которые ему понравились в чужих домах. По крайней мере, для меня часто все начинается с этого. Это уже потом все меняется...»

Да, потом все действительно менялось, и картины становились картинами Пикассо. Замечание же, которое художник сделал еще в тридцать четвертом году, характерно для него: Пикассо всегда был любопытен к чужому искусству, предпочитая «красть» — конечно, не в прямом смысле слова — у других, а не копировать, повторяя когда-то удачно найденное решение, самого себя: «не коллекционировать самого себя».

Как знать, быть может, в частности, и этому подходу Пикассо к живописи обязаны мы тем, что художник за свою долгую жизнь собрал невиданно богатую коллекцию. Часть этих богатств — 38 картин и 13 рисунков — наследники Пикассо решили передать в дар Франции. Выставка в Лувре включала шедевры таких мастеров, как Матисс, Сезанн, Коро, Дега, Модильяни, Ренуар, Миро, Руссо. В те времена, когда Пикассо приобретал картины своих тогда безвестных или гонимых друзей и собратьев по искусству, они часто стоили не больше, чем холст, на котором были нарисованы.

Монк

Рассказ

Уильям ФОЛКНЕР,
американский писатель

Попробую рассказать о Монке[1]. Поистине только попробую, попытаюсь ради опыта устранить несообразности в этой жалкой и малопримечательной истории, чтобы что-нибудь из нее извлечь, и при этом не только буду пользоваться шаткими средствами догадок, предположений и домыслов, но применю эти шаткие средства к данным неточным, необъяснимым, какие Монах оставил после себя. Ведь только в литературе парадоксальные и даже взаимоисключающие случаи из истории сердца человеческого могут быть соединены и сплавлены в нечто правдоподобное и достойное доверия.

Он был дурачок, а может, просто кретин, так что вообще не подлежал судебной ответственности, но в те времена, когда слушалось его дело, окружным прокурором у нас был очень молодой, метивший в конгресс человек, а у Монка не было ни друзей, ни денег, ни приличного адвоката, я уверен, что он и понятия не имел, зачем ему нужен адвокат и вообще что это такое, и поэтому суд сам назначил ему защитника — какого-то юнца, только что принятого в адвокатуру, который знал о практике уголовного суда немногим больше Монка и, возможно, признал парня виновным по указанию судьи, или, может, просто забыл, что имеет право ходатайствовать о признании подсудимого невменяемым, поскольку тот и не думал отрицать, что убил именно он. По сути дела, его невозможно было удержать от того, чтобы он непрерывно подтверждал этот факт. Он не хвастался и не раскаивался. Скорее можно было подумать, что он все время пытается произнести речь, сначала перед людьми, которые держали его возле трупа до прихода шерифа, потом перед шерифом, тюремным надзирателем и заключенными: случайно оказавшимися в камере неграми, которые сидели за азартные игры, бродяжничество или незаконную продажу виски, — перед мировым судьей, отдавшим его под суд, адвокатом, назначенным судом, и, наконец, перед судом и присяжными. Не прошло и часа с момента убийства, как он уже не мог вспомнить, где это произошло и кого он, по собственным словам, прибил. Он называл своей жертвой (это после подсказок и наводящих вопросов) разных людей, из тех, кто был жив и здоров, а раз даже указал на человека, который находился в зале суда. Но он и не думал отрицать, что кого-то убил. Тут было не упорство, а спокойная констатация факта — голосом чистым, звучным, проникновенным он пытался что-то рассказать, хотел произнести речь, в которой не было ни начала, ни конца и которую никто не хотел слушать. Он не раскаивался, не стремился найти смягчающие обстоятельства, чтобы уйти от ответственности. Казалось, он хочет высказаться, с тем чтобы ликвидировать пропасть, которая существовала между ним и окружающим миром, человечеством, огромной, измученной землей.

Но, вообще-то говоря, ему не стоило появляться на белый свет. Он приехал, появился (там он родился или нет, никто не знал) из глухого горного района, района, куда двадцать пять лет назад (а Монку было примерно двадцать пять лет) и дорог-то почти не было и куда даже шериф ни разу не отважился заглянуть; района дикого и неприступного, населенного замкнутыми кланами, которые ничего и никого не признавали и которых никто из посторонних и не видал до самых последних лет, когда современные шоссе и автомобили пробили брешь в этой зеленой цитадели, где перемешались жители с искаженными ирландско-шотландскими именами, которые гнали самогон и убивали из-за бревенчатых сараев и ограды, защищав-

[1] *Кличка, данная герою, в переводе с английского означает «монах».* (Примеч. ред.)

шей от змей, всякого пришельца. Хорошие шоссе и «форды», это они не только привезли Монка в Джефферсон, но и притащили за собой, словно дымный шлейф, кое-какие сведения о его происхождении. Потому что даже люди, среди которых он вырос, знали о нем не больше, чем мы: историю о какой-то старухе, которая даже среди этих чудовищно замкнутых людей жила отшельницей в бревенчатом доме и всегда держала наготове прямо в углу за дверью заряженное ружье, жила вместе с сыном, который даже для такого местечка и таких людей был явлением из ряда вон выходящим, который кого-то убил, бежал, может, скрывался неизвестно где почти десять лет, а потом однажды вернулся вместе с какой-то женщиной с жесткими, светлыми, металлическими волосами и резкими чертами белого лица горожанки. Потом оба исчезли. Никто не знал, когда они уехали и почему, точно так же, как никто не знал, когда и зачем они приехали.

Они уехали, и прошло несколько месяцев, пока соседи не обнаружили, что в доме остался ребенок, совсем еще дитя, привезли ли они его с собой, или он родился здесь — этого тоже никто не знал. Это и был Монк. Рассказывали еще, как шесть или семь лет спустя соседи почувствовали трупный запах, а когда несколько человек зашли в дом, то обнаружили в нем миссис Олдетроп, вот уже неделю как мертвую, и маленькое существо, в одной рубашке, сшитой из матрасной наволочки, которое пыталось поднять ружье, стоявшее в углу за дверью. Монка невозможно было поймать. То есть в тот раз им не удалось его схватить, а другого такого случая уже не представилось. Но он не убежал насовсем. Соседи чувствовали, что он где-то поблизости наблюдает за тем, как обмывают тело старухи, и глядит на них из-за кустов во время похорон. Потом на какое-то время его потеряли из виду, но все знали, что он где-то рядом, а в воскресенье был обнаружен подкоп, который он — палкой и голыми руками — сделал в могиле. Но мальчика они так и не видели. Только несколько месяцев спустя пронесся слух, что он живет у старика Фрезера, бездетного вдовца, известного всем самогонщика. У него он, судя по всему, и прожил те десять лет, пока сам старик не умер. Вернее всего, именно Фрезер дал мальчику то прозвище (Монк), которое он привез вслед за собой в Джефферсон, поскольку никто не знал, как окрестила его старая миссис Олдетроп, и теперь все местечко знало его под этим именем или скорее привыкло к этому невысокого роста парню, который уже начал полнеть, точно ему не восемнадцать, а тридцать восемь лет, с лицом некрасивым, глубокомысленно-глупым и наивным, причем не выражение лица, а сами черты его, наверное, и навели на мысль дать прозвище — Монах — парню, который с безграничной и слепой преданностью собаки полюбил человека, давшего ему кров и пищу, и, как говорят, научился в свои восемнадцать лет гнать самогон почище старого Фрезера.

Все, что он умел: гнать виски и беззаветно любить человека, который поил его и кормил, научил, что, где и как надо делать, и поэтому, когда после смерти Фрезера какой-то случайный человек, неважно кто, проезжая мимо то ли на грузовике, то ли на легковой машине, крикнул ему: «А ну, Монк, садись!» — Монк послушался так, как это сделала бы бездомная собака, и приехал в город Джефферсон. На этот раз приютом его стала бензоколонка милях в двух от города, здесь он и спал в задней комнате на койке, и здесь он научился даже заправлять бензином машины и правильно сдавать сдачу, хотя основная его работа состояла в том, чтобы точно помнить, в каком месте песчаного рва, проходившего в пятидесяти ярдах от станции, зарыты бутылки с виски. Его узнавали в городе по дешевой кричащей одежде, ради которой он сбросил свой комбинезон: цветастым рубашкам, что линяли после первой же стирки, соломенным шляпам с лентами, которые расползались после первого дождя, и полосатым туфлям, которые разваливались от первой носки, — спокойный малый, равнодушный к оскорблениям, любивший поговорить (было бы только кому слушать) с тем глубокомысленным и глупым видом на бледном даже после загара лице, на котором была ясно видна вся непрочность связи между его логикой и рассуждениями.

Семь лет мы знали его до той субботней ночи, когда на земле за бензоколонкой нашли убитого человека, а возле него с пистолетом в руках Монка, и тут же стояли два приятеля убитого, которые пили с ним в тот вечер, и Монк взволнованным чистым голосом пытался что-то такое объяснить сначала державшим его людям, потом шерифу, словно звук выстрела разрушил наконец стену, за которой он жил эти двадцать пять лет, и труп послужил тем мостиком, по которому он прошел через пропасть, отделявшую его от окружающего мира.

Он имел не большее представление о смерти, чем бессловесное животное, — он просто знал, что то, что лежит у его ног, не будет больше есть, говорить и ходить и поэтому от него уже нельзя ожидать ни добра, ни зла и вообще никакой пользы или толку. Он не понимал, что такое потеря, непоправимая утрата. Вряд ли он сознавал, что от лежавшего здесь человека уже потянулась цепочка возмездия и кому-то придется платить. Он и не отрицал, что убил он, хотя не мог объяснить, что произошло, из-за чего вспыхнула ссора, и немного спустя, как я уже говорил, уже не мог вспомнить, где это случилось и как зовут человека, которого он, по собственному признанию, убил. Он просто все время порывался рассказать о чем-то таком, что сидело в его душе все эти двадцать пять лет, а вот только сейчас он наконец-то нашел возможность, а может быть, слова, чтобы раскрыть свою душу, подобно тому как пять лет спустя, перед самой казнью, он наконец найдет случай, выберет момент высказаться, чтобы установить ту связь с огромной, дряхлой и измученной землей, которую прежде он так хотел установить и не мог только потому, что лишь пять лет назад его научили, как, какими словами выразить это стремление.

Ему сохранили жизнь. Это был один из самых коротких судебных процессов, когда-либо слушавшихся в нашем округе, потому что, как я уже говорил, об умершем никто не сожалел и никому, кроме моего дяди, не было дела до Монка.

Рис. Г. Филипповского

Раньше он никогда не ездил в поезде. Он вошел в вагон, прикованный наручниками к шерифу, одетый в новый комбинезон, который кто-то ему выдал (судя по всему, тот суверенный штат, чье общественное спокойствие и достоинство он нарушил), и новую, все еще сохранявшую первородную свежесть (а он сидел в тюрьме уже больше шести недель) соломенную шляпу, сделанную наподобие панамской с яркой лентой, которую он купил накануне рокового дня. Его место в вагоне оказалось возле окна, и он сидел, повернувшись своим слегка кривым толстощеким глупым лицом к нам, и махал одними пальцами свободной от наручников высунутой в окно руки, пока поезд не тронулся и не начал медленно набирать ход — огромный, грязный от копоти и пыли поезд, лязгая буферами, навсегда увозивший его от нас в наглухо зарешеченном вагоне, оставлял в нашей душе чувство непоправимости более сильное, чем если бы мы собственными глазами увидели, как за ним навсегда закрылись ворота тюрьмы и он, маленький и бледный, смотрел на нас сквозь грязные стекла вагона, вытянув шею, чтобы лучше видеть, и на лице его, напряженном, спокойном и серьезном, было недоуменное, но и безмятежное выражение. Через пять лет приятель убитого, который был вместе с ним в тот субботний вечер, умирая от воспаления легких и виски, признался, что убил он, потом он сунул в руки Монку пистолет и сказал: «Смотри, что ты наделал!»

Мой дядя Гевин выхлопотал Монку помилование, сам отвез его в тюрьму и сказал Монку, что тот свободен. Некоторое время Монк с недоумением смотрел на него, а когда понял, то расплакался. Он не хотел уходить из тюрьмы. Он был уже расконвоирован и ходил свободно, и успел уже перенести на начальника тюрьмы ту собачью преданность, с какой когда-то любил старого Фрезера. Делать толком он ничего не умел, мог только гнать и продавать самогон, правда, в городе его еще научили убирать заправочную станцию, а именно этим он и занимался в тюрьме. Он подметал и убирал в доме начальника тюрьмы не хуже уборщицы; жена начальника научила его вязать — плача, он показывал моему дяде недовязанный свитер, который собирался подарить начальнику тюрьмы в день его рождения, а чтобы довязать свитер, требовалось еще несколько недель.

Итак, мой дядя вернулся ни с чем. Он привез назад помилование, но не порвал и не выбросил его, мне кажется, дядя надеялся, что Монк возьмет да изменит свое решение, вот почему, мне кажется, дядя не выбросил этот документ. А потом Монк сам, без посторонней помощи все-таки освободился из тюрьмы. Случилось это через неделю после того, как дядя Гевин говорил с ним — дядя Гевин еще не успел даже решить, куда понадежнее спрятать акт о помиловании, когда пришла эта весть. На следующий день ее сообщили все мемфисские газеты, но мы узнали обо всем накануне вечером по телефону: «Монк Олдетроп при попытке к бегству хладнокровно застрелил начальника тюрьмы из его же пистолета». На этот раз никаких сомнений не было — дело происходило на глазах у пятидесяти человек, заключенные, не принимавшие участия в побеге, схватили его и отняли пистолет. Да, тот самый человек, который всего неделю назад заплакал, когда дядя Гевин сказал ему, что он свободен, теперь совершил попытку к бегству и убил при этом начальника тюрьмы, того самого человека, которому

вязал на день рождения свитер и в слезах умолял дать ему возможность закончить, — причем убил так хладнокровно, что его сообщники и те набросились на него.

Дядя Гевин снова поехал в тюрьму. Теперь Монк сидел в одиночке, в камере смертников. Он по-прежнему вязал свитер. Дядя заметил, что работал он на совесть, так что свитер был почти готов.

«У меня осталось три дня, — сказал Монк, — и я не могу тратить время попусту».

«Но как же так, Монк, зачем ты это сделал?» — спросил дядя. Он сказал, что спицы в руках парня не дрогнули и их мелькание не изменило свой ритм, даже когда Монк взглянул на дядю с выражением спокойствия, приветливости и чуть ли не восторженности. Потому что Монк не понимал, что такое смерть. Я уверен, что в сознании своем он не связывал падаль, валявшуюся за бензоколонкой в тот субботний вечер, с человеком, который только что ходил и разговаривал, или же труп, лежавший на земле у проволоки, с человеком, которому он вязал свитер.

— Я-то знаю, гнать и продавать самогон нехорошо! — сказал он. — Дело-то не в этом. «Я вот... — Он взглянул на дядю Гевина. Лицо его все еще оставалось безмятежным, но на какое-то мгновение в нем что-то промелькнуло, нет, не сомнение или замешательство, а попытка что-то найти и выразить.

— Ну так что же? — спросил дядя Гевин. — Дело не в этом, а в чем дело-то? В чем?

— Нет, не в этом. — Монк поглядел на дядю Гевина. — Помню, как я ехал в поезде, а парень в фуражке просунул голову в дверь и говорит: «Давай», — а я ему: «Чего давай, сходить, что ли?», а помощник шерифа говорит: «Нет!» Вот если б я ехал в вагоне один, без шерифа, и парень вошел бы и закричал, я б и сошел...

— Сошел не там, где нужно? Так, что ли?.. А теперь ты знаешь, где надо сходить и что делать. Так?

— Да, — сказал Монк. — Теперь я точно знаю, что делать.

— Что ты знаешь? Что ты узнал такого, чего раньше никогда не слыхал?

Монк ответил на этот вопрос. Три дня спустя он поднялся на помост под виселицей, стал, куда ему приказали стать, и послушно, не дожидаясь, когда его попросят, согнул шею, чтобы удобней было накинуть петлю, и на его спокойном и восторженном лице по-прежнему было выражение, которое бывает у человека, который ждет момента, чтобы заговорить, как только все отойдут в сторону. Приняв это за сигнал начать, Монк сказал:

— Я согрешил перед богом и людьми и поэтому должен страданиями расплатиться за свою вину. И вот теперь... — говорят, он произнес последнюю часть своей речи голосом звонким и чистым. Должно быть, слова эти громко и неопровержимо звучали в его воспарившей душе, потому что зазвенели они уже из-под черного колпака смертника. — И вот теперь я выйду на волю, чтобы стать фермером и работать на полях в поте лица своего...

Понимаете? Здесь что-то не сходится. Допустим, он не знал, что это его последние слова перед смертью, — все равно в них нет смысла. О полевой работе он ничего не знал и, уж конечно, никогда ею не занимался. Разумеется, он видел, как растет хлопок или пшеница, видел людей, которые работают в поле. Но ведь раньше у него не возникало желания самому заняться этим, потому что, если б он захотел, то возможностей у него для этого было более чем достаточно. И вдруг он поворачивается и убивает человека, который прекрасно относился к нему и, понимал это Монк или нет, избавил его от тюремного ада; убивает человека, на которого Монк перенес всю свою собачью преданность и любовь и ради которого всего лишь за неделю до этого он отказался выйти из тюрьмы, — и все это совершает для того, чтобы вернуться в этот мир и стать фермером, и перемена эта происходит за какую-то неделю, в то время как на протяжении пяти лет он вел жизнь более замкнутую и уединенную, чем какая-нибудь монахиня. Хорошо, допустим, что поступок его явился логическим результатом работы сознания, которого у него почти не было, допустим, что идея эта настолько сильно овладела им, что толкнула его на убийство лучшего и единственного друга, но как же тогда эта идея могла возникнуть в его голове, каким образом желание обрабатывать землю овладело им в тюрьме? Вот о чем я спросил дядю Гевина.

— Все станет ясно в свое время, — ответил дядя Гевин. — В уравнении мы еще не знаем всех неизвестных. Но и они тоже.

— Они?

— Да, люди, что повесили не того, кто в действительности убил Гамбрелла. Они казнили лишь орудие преступления.

— Вы знаете, кто убийца? — спросил я.

— Нет. И может, никогда не узнаю. Даже вернее всего. Вот ты сказал, тут что-то не сходится. Но ведь как-то должно сойтись. В этом деле слишком много нелепости, уж не говоря о самой настоящей патологии. Но вершина нелепости может быть в том, что мы никогда не поймем, в чем тут причина.

Но мы узнали причину. Дядя Гевин нашел разгадку чисто случайно и никому об этом не сказал, кроме меня, и я объясню вам почему.

В те времена губернатором нашего штата был человек без роду и племени, происхождения в общем такого же, как Монк. Хитрый политик, он далеко бы пошел, если бы остался в живых. Года через три после казни Монка сей господин неожиданно провозгласил нечто вроде своего юбилея. В честь этого события он объявил о созыве Совета по делам амнистии при тюрьме нашего штата, что означало, что он будет раздавать помилования заключенным так, как английский король в день тезоименитства раздает ордена и дворянские титулы. Разумеется, оппозиция сразу же решила, что он будет просто брать за это деньги, но дядя Гевин придерживался на этот счет другого мнения. Он сказал, что губернатор хитрее, чем о нем думают: приближались выборы, так что губернатор не только получит голоса родственников всех тех людей, которых он выпустит на свободу, но и расставит сети для разных пуристов и моралистов из оппозиции, которые всегда обвиняют его в коррупции, а тут губернатор уличит их в безосновательной клевете. Каждому было ясно, что Совет по делам об амнистии целиком в его руках, поэтому оппозиция в порядке протеста создала особые комитеты наблюдателей, а губернатор (да, он поистине был хитер) не только одобрил эту меру целиком и полностью, но даже выделил делегатам округов специальный транспорт. Дядя Гевин был в числе наблюдателей от нашего округа.

Все происходило в тюремной столовой. Дядю Гевина и остальных делегатов усадили на жесткие деревянные скамейки без спинок в конце зала, губернатор и члены совета разместились за столом на возвышении, и тут ввели шеренгу заключенных и выстроили в ряд. Губернатор зачитал первую фамилию и приказал человеку подойти к столу. Никто не отозвался. Нестройный гул прошелся по рядам людей, одетых в полосатые куртки. Затем из задних рядов раздался голос:

— Господин губернатор, пусть Террел скажет за нас. Мы его выбрали...

Дядя Гевин не стал смотреть на этого человека. Вначале он проглядел список и нашел фамилию: «Террел Билл, неумышленное убийство, осужден на двадцать лет. Наказание отбывает с 9 мая 19.. года. Обращался с просьбой о помиловании в январе 19.. года. Отказано начальником тюрьмы К. А. Гамбреллом. Повторно подал просьбу в сентябре 19.. года. Отказано начальником тюрьмы К. А. Гамбреллом. Характеристика — постоянно нарушает тюремный режим».

Потом он поднял глаза и увидел, как Террел вышел из строя и пошел к столу: огромного роста детина с лицом угрюмым и хищным, похожий на индейца, крупными шагами приближался к столу, и на лице его была странная смесь наглости и угодливости, потом он остановился и, не дожидаясь разрешения, заговорил тонким, фальшивым, монотонным голосом, исполненным все той же трусоватой наглости:

— Ваша честь! Уважаемые господа! Мы согрешили перед богом и людьми, но теперь страданиями расплатились за свою вину. И вот теперь мы хотим выйти на волю, чтобы стать фермерами и в поте лица своего добывать хлеб.

Дядя Гевин очутился на возвышении прежде, чем Террел успел закончить свою речь. Он наклонился над губернаторским креслом, тот повернул к нему свое маленькое пухлое хитрое лицо, и его непроницаемый взгляд выразил удивление нетерпением делегата.

— Отошлите этого человека, — сказал дядя Гевин, — мне нужно поговорить с вами.

— Ну конечно, мистер Стивенс, — сказал губернатор. Он встал и пошел вслед за дядей Гевином в дальний угол зала к зарешеченному окну, а Террел, все еще стоявший у стола, резко дернул головой и замер, и в его желтых глазах, когда он глянул на дядю Гевина, блеснул свет от окна, словно две зажженные спички.

— Господин губернатор, этот человек убийца, — сказал дядя Гевин.

На лице губернатора не дрогнул ни один мускул.

— Неумышленное убийство, мистер Стивенс, — сказал он, — неумышленное. Как почтенные граждане штата Миссисипи и его скромные служители, мы с вами должны верить нашему суду присяжных.

— Я не об этом сейчас говорю, — сказал дядя Гевин.

Он сказал, что сказал так из-за спешки, словно боялся, что, если не поторопиться, Террел просто исчезнет; он говорил мне, что испытал ужасное чувство, что через секунду этот стоящий перед ним маленький, хитрый и учтивый господин одной своей холодной волей, честолюбием и безнравственной жестокостью, заколдовав, перенесет Террела за пределы возмездия.

— Я говорю о Гамбрелле и о том полоумном, которого повесили три года назад. Вот человек, который фактически спустил курок и набросил петлю на шею.

Лицо губернатора по-прежнему оставалось спокойным.

— Ну что ж, любопытное, можно даже сказать, серьезное обвинение, — сказал он. — Надеюсь, у вас есть доказательства?

— Нет, но сейчас будут. Дайте мне десять минут, чтобы поговорить с ним наедине. Я получу доказательства. Я заставлю его признаться.

— А-а-а... — протянул губернатор. На этот раз он не глядел на дядю Гевина. Когда же он поднял глаза, выражение его лица по-прежнему не изменилось, но он словно что-то стер с лица, как вытирают пот носовым платком. — Что мне это даст? — спросил губернатор.

— Вы хотите сказать... — промолвил дядя Гевин. Взгляды их на минуту встретились. — То есть ради нескольких голосов вы намерены выпустить его на свободу на горе гражданам вашего штата?

— А почему бы и нет? Если он еще когонибудь убьет, место в тюрьме для него найдется.

Теперь уже дядя Гевин задумался на минутку, но он продолжал смотреть прямо.

— Предположим, я расскажу о нашем разговоре. У меня, конечно, нет доказательств, но мне поверят. А это будет означать...

— Потерю голосов?.. Что ж, это верно. Но, видите ли, я уже потерял эти голоса, так как никогда их не имел. Ведь верно? А вы хотите заставить меня сделать то, что, как сами понимаете, идет вразрез с моими принципами. Уж не думаете ли вы навязать мне свои принципы?

Теперь, как рассказывал дядя Гевин, губернатор взглянул на него почти сердечно, чуть ли не с сожалением и с любопытством.

— Мистер Стивенс, вы один из тех, кого мой дед называл джентльменами. Он был зол на вас и всю вашу породу. При случае он бы пристрелил под вами лошадь из-за забора — так, ради принципа. И вы хотите понятия 60-х годов прошлого века перенести в политику двадцатого столетия. А политика в наше время — грязная вещь. Мне так, например, кажется, что весь двадцатый век — штука довольно грязная, от которой к небесам поднимается препротивный запах. Но это неважно.

Губернатор обернулся к столу и стоявшим в ожидании людям.

— Примите совет доброжелателя, даже если он не может назвать себя вашим другом, — бросьте эту затею.

— Но вы позволите мне поговорить с ним наедине?

Губернатор, снова обходительный и любезный, помедлил, глядя в сторону.

— Ну, конечно же, о чем разговор, мистер Стивенс. Сделайте одолжение.

Итак, они остались одни в пустой камере — дядя Гевин и этот смахивающий на индейца гигант со свирепым взглядом желтоватых глаз.

— Значит, теперь вы встали мне поперек дороги, — сказал Террел странным, почти гнусавым, монотонным голосом.

Дело Террела, памятное всем, обсуждалось в свое время в мемфисских газетах, к тому же все произошло недалеко отсюда, и Террел никогда не был фермером. Дядя Гевин сказал, что именно это обстоятельство, даже до того, как он уразумел, что Террел слово в слово повторил слова, сказанные Монком на эшафоте, которые Террел ни слышать, ни знать не мог, то есть не совпадение слов, а именно этот факт, что ни Террел, ни Монк никогда в своей жизни не занимались сельским хозяйством, натолкнул его на догадку. Убийство, за которое осудили Террела, произошло на другой бензоколонке, неподалеку от железной дороги, и кондуктор с товарного поезда показал под присягой, что видел, как два человека выскочили из кустов, волоча какой-то груз, который оказался человеком, живым или мертвым, он не знает, и бросили его под проходящий состав. Бензоколонка принадлежала Террелу, и, когда выяснилось, что там произошла драка, Террела арестовали. На следствии он вначале отрицал сам факт драки, потом отрицал, что потерпевший участвовал в ней, затем заявил, что тот совратил его (то есть Террела) дочку и тогда сын (его, Террела) убил этого человека, а он просто пытался отвести подозрение от сына. И дочь и сын отрицали свою вину, причем сын доказал свое алиби, так что своими показаниями они утопили Террела, который тут же, в зале суда, проклял обоих.

— Постойте, — сказал стоящему перед ним Террелу дядя Гевин, — здесь я буду задавать вопросы. Что вы сказали Монку Олдетропу?

— Ничего! — ответил Террел. — Ничего я ему не говорил!

— Ладно, — сказал дядя Гевин. — Это все, что я хотел знать.

Он повернулся к часовому за дверью:

— Мы закончили. Можете нас выпустить.

— Погодите, — сказал Террел.

Дядя Гевин обернулся. Террел, огромный, грубый и тощий в своей полосатой куртке, глядя на дядю Гевина свирепыми, желтыми и бездонными глазами, заговорил гнусавомонотонным голосом:

— За что вы хотите оставить меня за решеткой? Что я вам такого сделал? Вы, человек богатый и свободный, вы можете идти куда вам вздумается, а я здесь... — И тут он начал кричать. Дядя Гевин сказал, что он кричал, не повышая голоса, так, чтобы часовой в коридоре не слышал.

— Ничего! Повторяю — ничего я ему не говорил!

На этот раз дядя Гевин даже не успел повернуться, чтобы уйти. Он сказал, что Террел прошел в двух шагах от него, бесшумно, как кошка, и выглянул в коридор. Потом он повернулся и посмотрел на дядю Гевина.

— Послушайте, вы! — сказал он. — Если я скажу правду, не станете голосовать супротив?

— Хорошо, — ответил дядя Гевин. — Супротив, как вы говорите, я голосовать не стану.

— А как узнать, что не обманете?

— Ну, — возразил дядя Гевин. — Как же узнать, не проверив на деле?

— Похоже, что только так можно узнать. Похоже, что так... — Террел поднял голову и закричал, но так же беззвучно, как и раньше. — Но если обманешь, а я все-таки отсюда выберусь, то берегись! Понял? Берегись!..

— Вы что, мне угрожаете? — спросил дядя Гевин. — В тюремной куртке, за каменной стеной и стальной решеткой, у которой стоит часовой? Да вы насмешить меня хотите!

— Ничего я не хочу, — ответил Террел. Теперь он опять захныкал. — Я хочу справедливости. И все. — И потом он снова принялся кричать, все тем же приглушенным голосом, глядя на свои побелевшие от напряжения кулаки: — Я попробовал два раза. Два раза, чтобы добиться справедливости и выйти на волю. И всякий раз он мне мешал. Он-то знал, что я знал об этом. «Ну погоди», — сказал я ему...

Он замолчал так же неожиданно, как и заговорил. Дядя Гевин рассказывал, что ему было слышно его учащенное дыхание.

— Вы сказали Гамбреллу, — спросил дядя Гевин. — Продолжайте...

— Да. Я сказал ему: «Ну погоди...» Он вздумал смеяться надо мной. Он не имел на это права. Он мог проголосовать супротив, но смеяться... Он сказал, что я буду сидеть в тюрьме, покуда он здесь начальник, а он останется здесь на всю свою жизнь. Вот он и остался. На полный срок.

— Так, понятно. И тогда вы сказали Монку...

— Да. Я сказал ему: «Вот мы, темные, обездоленные, простые люди, сидим в тюрьме, и не было у нас никакой жизни. Бог велел людям жить на воле, обрабатывать землю во имя божье. Но мы-то, темные и обездоленные, не знали этого, а богатые все молчат, а потом и говорить уже поздно. Мы, люди темные и обездоленные, никогда не видели поезда, а потом нас посадили на поезд и не сказали, куда ехать, где сойти, чтобы жить на воле и растить хлеб, как бог велел, и вот он и есть тот человек, который тащит нас назад, держит взаперти и надсмехается над нами супротив господней воли. Я не говорил ему, чтобы он убивал. Я только сказал: «Как нам выйти на волю, раз у нас нет пистолета? Если б у кого-нибудь из нас был пистолет, тогда бы мы вышли на волю и стали трудиться в поле, потому что для этого нас создал господь, и мы этого желаем. Разве не так?» А Монк сказал: «Да, так», а я сказал: «Но у нас нет пистолета». А он сказал: «Я могу достать пистолет». А я сказал: «Тогда мы выйдем на волю, и, хоть мы и согрешили против бога, это не наша вина, потому что нам никто не объяснил, в чем божья воля, для чего он нас сотворил. Но теперь мы знаем это, потому что хотим выйти на волю, быть свободными людьми и работать на земле во имя бога». Вот и все, что я ему сказал. Я ему ничего не приказывал. А теперь можете идти и доносить на меня. Пускай меня тоже повесят. Гамбрелл и тот кретин давно сгнили в могиле, так что ж, пусть и я сгнию в сырой земле, чем заживо гнить здесь. Так и скажите им.

— Хорошо, — сказал Гевин. — Вы выйдете на свободу. Но запомните следующее. Минуту назад вы угрожали мне. Теперь послушайте меня. Я, как ни странно, имею возможность исполнить свою угрозу. Предупреждаю... Отныне я буду следить за каждым вашим шагом, и если еще раз что-нибудь произойдет, если кто-нибудь опять подрядит вас в убийцы, а потом вам удастся доказать, что вы в тот момент были совсем в другом месте, или вы сможете найти за себя подставного... Понятно?

Когда дядя говорил о свободе, Террел глядел прямо, теперь он опустил голову.

— Так поняли? — повторил дядя Гевин свой вопрос.

— Да, — сказал Террел. — Я понял.

— Очень хорошо, — сказал дядя и, повернувшись, окликнул часового: — Вот теперь можете нас выпустить.

Они вернулись в тюремную столовую, где губернатор штата выкликал по одному заключенных и вручал им документы, и при виде вернувшегося дяди Гевина губернатор прервал свое занятие и поднял к нему свое гладкое, непроницаемое лицо. Не дожидаясь, когда дядя Гевин заговорит, он сказал:

— Вы, я вижу, преуспели...

— Да! Вы хотели бы меня выслушать?

— Ну нет, мой дорогой. Я вынужден отклонить вашу просьбу, более того, я категорически против.

И, как рассказал мне дядя Гевин, губернатор снова взглянул на него с сердечностью, лукавством и некоторым сожалением, хотя, как и раньше, во взгляде его была пытливая настороженность.

— Я знал, что вы не откажетесь от надежды кое-что изменить в этом деле. Не правда ли?

Теперь дядя Гевин призадумался, а потом сказал:

— Да, конечно. Итак, если я не ошибаюсь, вы хотите вернуть ему свободу?

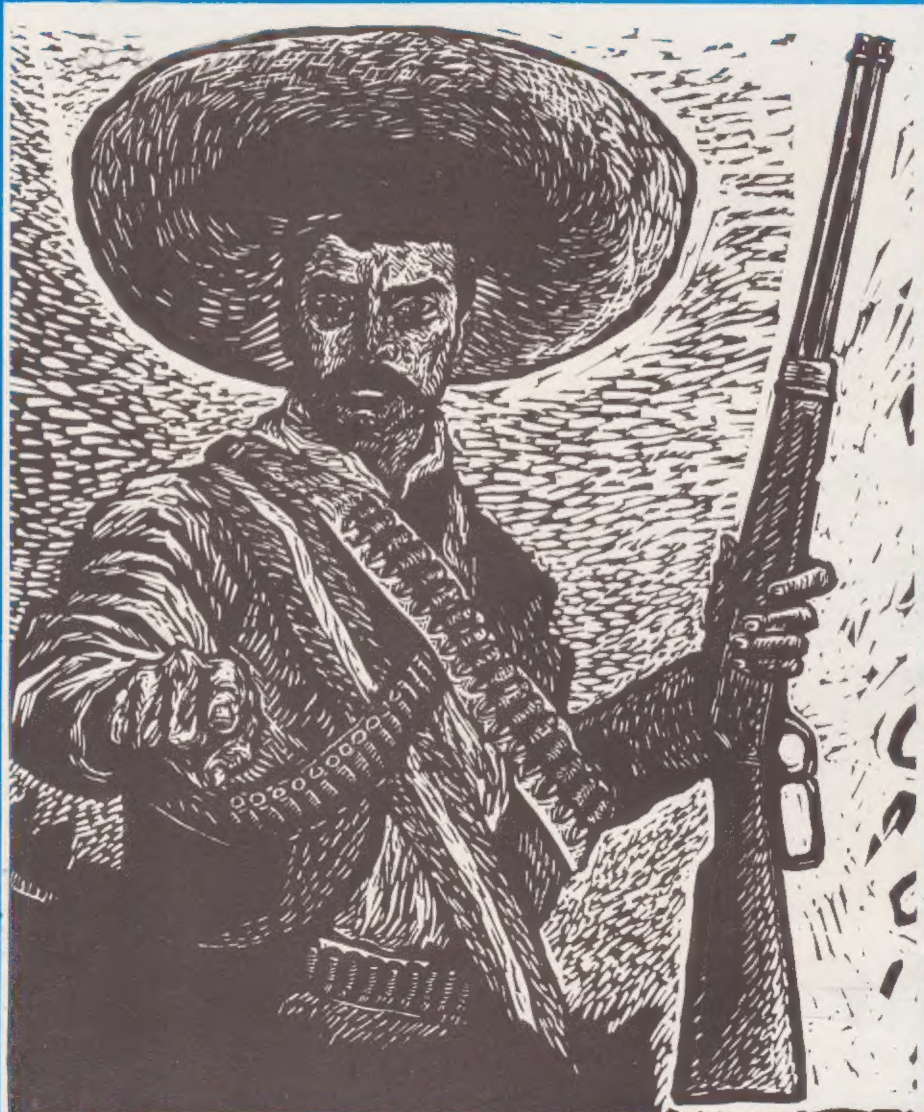
На сей раз сожаление и сердечность сползли с лица губернатора, и оно вновь стало таким, каким было с самого начала: гладким, совершенно непроницаемым и совершенно фальшивым.

— Мой дорогой мистер Стивенс, — сказал губернатор. — Меня вы переубедили. Но я всего лишь председатель высокочтимого собрания, здесь все решает голосование. Неужели вы надеетесь переубедить вон тех джентльменов? — И он показал взглядом на сидевших за столом господ офицеров, всех этих похожих один на другого марионеточных полковников из семи или восьми подчиненных ему воинских частей.

— Нет, — сказал дядя Гевин, — на это я не надеюсь. — И он вышел из зала. День был в разгаре, на улице стояла жара, но он тотчас же отправился назад в Джефферсон. Он ехал среди просторных, затянутых маревом хлопковых и кукурузных полей, по проклятой и благословенной богом земле, которая переживает любую коррупцию и несправедливость. Он был рад жаре, рад поту, который смыл с него грязь и запах того места, откуда он только что выбрался.

Сокращенный перевод с английского Н. КОЛПАКОВА и З. ЕРМОЛАЕВОЙ

Известный мексиканский художник, коммунист, активный член общества дружбы «Мексика — СССР» Артуро Гарсиа Бустос (его вы видите на верхнем левом снимке — он работает над портретом Че Гевары) передал фотографии этих своих работ специально для вас, читатели «Ровесника».

На рисунках: вождь мексиканской революции 1910—1917 годов Эмилиано Сапата; Эмилиано Сапата и его друзья, единомышленники — мексиканские крестьяне...

Индекс 70781
Цена 25 коп.